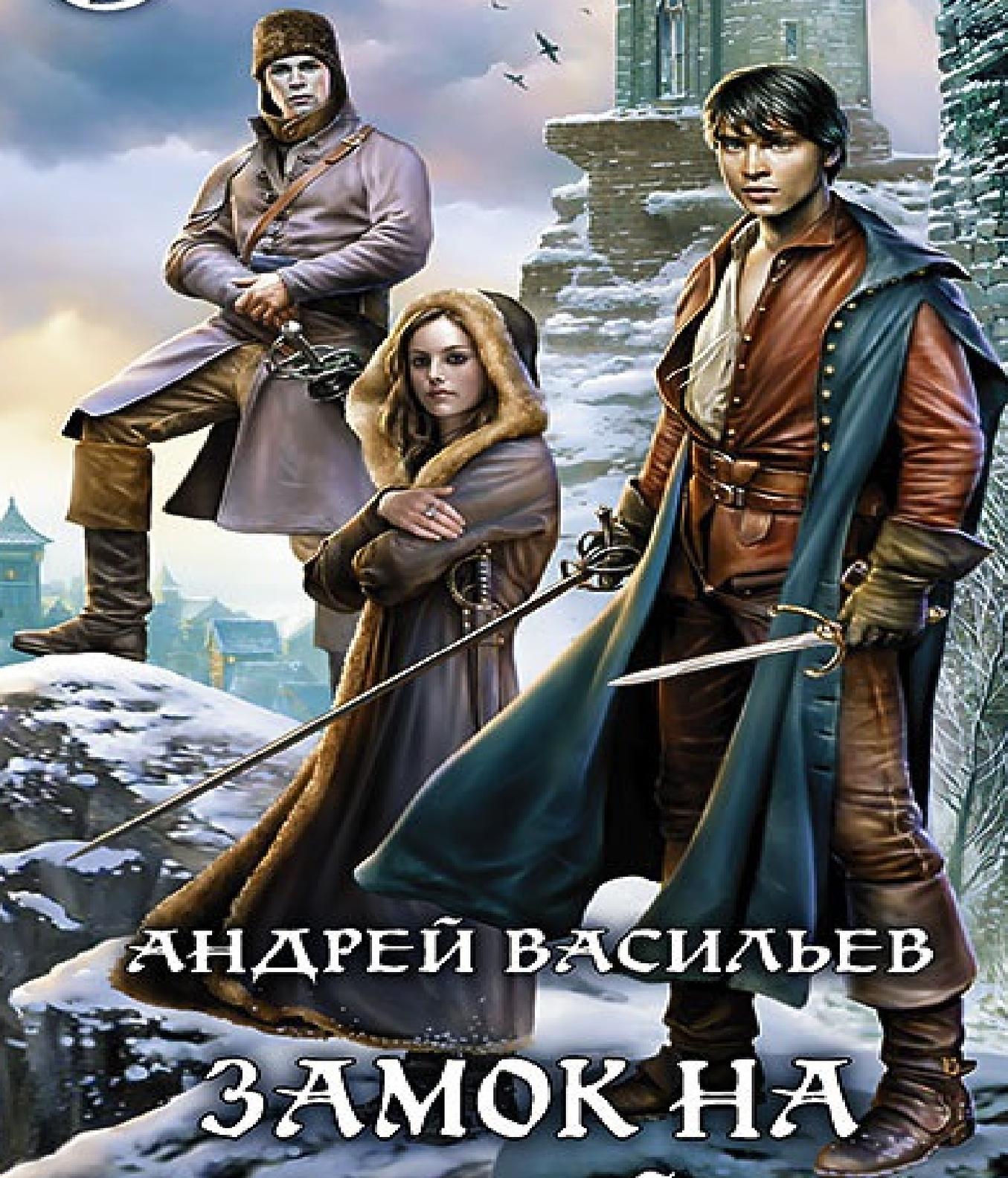

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ
ЗАМОК НА
ВОРОНЬЕЙ ГОРЕ

Annotation

Бывает так, что обстоятельства диктуют тебе свою волю, но при этом ты лично ничего против особо не имеешь. Уличный воришка Крис Жучок по воле судьбы (выступающей в данном случае под видом немолодого мага со своими далеко идущими планами) стал третьим сыном барона, получил имя Эраст фон Рут и был отправлен вместо него ко всем демонам на кулички учиться магии в какой-то никому не известный Вороний замок. Вот только принять волю судьбы и подчиниться ей безропотно – это разные вещи. И уж совсем не факт, что планы новоявленного барона совпадут с планами того, кто изменил его жизнь навсегда.

Андрей Васильев
Замок на Вороньей горе

Посвящается жене Ирине

Я ожидал всего чего угодно, но только не того, что этого хорошо одетого и внешне добродушного парня убьют. Что ограбят – да, в этом был уверен, но что убьют? Однако же вот – он хрипит, дергает ногами и высовывает язык, что и неудивительно – как же еще себя вести тому, у кого на горле захлестнулась удавка?

– Ну-ну, не дергайся, – посоветовал бедолаге Толстый Го, с профессиональным интересом наблюдающий за расправой. – Расслабься – и все кончится быстрее.

– Да и так уже почти все, – со знанием дела проворчал Здоровила, который, собственно, и орудовал удавкой. – Сейчас обделается уже, вон как у него брюхо напряглось.

Пресветлая Миралина, а ведь когда они задушат его, то, скорее всего, отправят ко всем богам и меня. На кой им лишний свидетель, пусть даже он и один из тех, кто живет в квартале Шестнадцати висельников, а значит, будет молчать об увиденном?

– Пхаш-ш-ш!

Живуч этот парень, глаза уже так вылезли из орбит, что он на глубоководную рыбу стал похож, язык до колен свесился, а он все еще пытается просунуть пальцы под веревку.

– Семь демонов Зарху! – Толстый Го поморщился. – Здоровила, заканчивай уже. Я хочу выпить.

Ш-ш-шарх! И Здоровила отлетает к стене сарая, где мы находимся. Почти вся территория старых портовых складов такими сараями, похожими друг на друга, как родные братья, застроена, в них когда-то держали товары, которые мореходы привозили с Желтых островов, и жизнь тут была ключом.

Но это когда было. Теперь тут тихо, жутковато и всегда пустынно. Говорят, что в семилетие Большой Чумы королевские мортусы^[1] стаскивали сюда трупы и сваливали их в кучи, но, я так думаю, это все враки. Сами рассудите, какой смысл их волочь в сараи, чтобы потом перевозить еще куда-то для сожжения? Проще сразу вместе с постройкой спалить.

Вот именно сюда и притащили этого дворянчика, поскольку, как уже было сказано, тут тихо и безлюдно.

– Что это? – взвизгнула Гусеница, подружка Толстого Го.

– Не что, а кто! – послышался негромкий старческий голос, и размалеванная девица с наполовину выбритой по последней моде Портового квартала головой, жутко заорав, схватилась за лицо. Из ее глаз забили два маленьких фонтанчика искр. Зрелище было страшное и красивое одновременно.

– Маг! – глухо охнул Древень, правая рука Го, и выхватил свой огромный «свинокол». – Ох и резня будет!

– Да чтоб вас всех! – Толстый Го глянул на недодушенного юношу, который по-прежнему оставался в сознании, мало того – плохо гнущимися пальцами стаскивал с шеи петлю, одновременно пытаясь встать на ноги. – Ну что сегодня за день такой, а?

Толстый Го, оправдывая свое прозвище, и вправду был сильно не худ, но при этом в чем в чем, а в ловкости ему было не отказать.

В три шага, будто танцуя, он приблизился к дворянчику, который уже стоял на своих двоих, и прильнул к нему, словно в поисках запрещенной богами и королевскими указами однополый любви.

Когда и как он успел вынуть кинжал, я даже не понял. Через секунду Го сделал шаг в сторону, и теперь всякий любопытствующий запросто смог бы изучить внутренний мир почти спасшегося бедняги. Живот ему Толстый располосовал умело, что уж там. Теперь ни один лекарь не поможет, факт.

Дворянчик захрипел, изо рта у него хлынула черно-красная густая кровь, руками он пытался запихать обратно в распоротый живот мерзко выглядящий склизкий комок внутренностей, которые буквально вываливались из него.

– Агриппа! – буквально застонал маг, обращаясь невесть к кому. – Агриппа, мы опоздали!

Прав оказался Древень – в руках у старика был посох мага, и, увидев это, я понял, что теперь всем нам точно конец. Судя по всему, парень был его сыном. И теперь маг будет за него мстить, что вполне объяснимо, а значит, перебьет всех, кто повинен в его смерти. Хорошо еще, если я умру быстро и сразу – подобное можно будет счесть за немалую удачу.

– Посох! – заревел Толстый Го. – Отберите у него посох, подельнички!

Трое его подручных прыгнули к магу, но это были напрасные телодвижения – одного отшвырнула к стене молния, проделав в его груди отверстие размером с мой кулак, у второго пояс превратился в омерзительно выглядящую пещерную гадюку, которая немедленно вцепилась гигантскими кривыми клыками в живот бандита, а третьему маг без всяких сантиментов попросту разбил голову наверху посоха.

Го, как видно, не слишком рассчитывал на своих подручных, а потому решил под шумок смыться и, плюнув на погибающих соратников, скользнул к двери. Вот только и ему не повезло – шагнув к проему, он буквально насадил себя на длинное лезвие тяжелой шпаги, которую держал в руке немолодой мужчина с изрезанным шрамами лицом, как видно – тот самый Агриппа.

– Ар-р-р! – зашипел Го, хватаясь руками за лезвие.

– Агриппа, зачем? Он мог нам сказать, кто их нанял! – Маг направил наверх посоха на Гусеницу, которая все еще была жива и все это время с визгом каталась по полу, закрывая глаза ладонями. – Ой, как она орет!

Из посоха вылетела бело-голубая искра и ударила Гусеницу в левую грудь. Девка еще пару раз дернулась и затихла.

– Кто? – Маг подбежал к Го, которого тот, кого он называл Агриппой, буквально стряхнул с лезвия на пол. – Кто тебя нанял?

– Бе-э-э! – Бандит был в сознании и, разумеется, понимал, что умирает. Он не захотел отвечать на вопросы и вместо этого показал магу широкий как лопата язык, просипев вдобавок: – Пошел ты, козел старый, знаешь куда?

– Кто? – Маг схватил его за голову и потряс ее. – Кто? Скажи – и я отправлю твою душу к Престолу Упокоения.

– Кому я там нужен? – засмеялся было Го, но закашлялся и забрызгал лицо мага кровью. – На мне трупов столько, что я и сам не зна-а-а...

Речь сменилась хрипом, Толстый Го дернулся и затих. Одновременно с ним, выгнувшись дугой, отдал богам душу и тот молодой человек, из-за которого начался весь этот сыр-бор.

– Вот же досада какая! – Маг всплеснул руками. – Агриппа, в жизни бы не подумал, что я могу проиграть сразу все. Барон мертв, и я даже не представляю, кто захотел забрать его жизнь. Зачем – понятно, но кто?

– Да кто угодно, – невозмутимо ответил ему Агриппа, втыкая лезвие своей шпаги в горло

того бандита, которого укусила змеюка. Хотя он и так отошел бы в мир иной минут через пять, какой в этом был смысл? – Мало ли у вас закадычных врагов?

– Их у любого мага немало. – Старик топнул ногой. – Но никто даже предположить не мог, что я буду здесь. Никто! Я только вчера принял решение о том, чтобы вернуться в этот город, ты ведь это прекрасно знаешь.

– Предположить и просчитать – это разные вещи. – Агриппа огляделся вокруг себя. – Мастер, вы мудры, равных вам на землях всего континента можно счесть по пальцам одной руки, но это не означает, что вас невозможно просчитать. Я лично как-то раз сумел это сделать, вы должны помнить тот случай. Почему кто-то другой не сможет повторить подобное?

– Видимо, ты прав, – признал маг, нагибаясь над лежащим в луже крови трупом юноши. – И если так, то тот, кто за этим стоит, действовал масштабно. Представь себе количество вариантов развития событий. Выходит, он в каждом из городов держал подобную шайку, а это очень недешево.

– Всего лишь вопрос технического характера. При наличии нескольких толковых подручных и достаточного количества средств он решается быстро и эффективно. – Агриппа направился к куче мусора в углу сарая, за которой притаился я. – И еще. Мастер, это мог быть не «он». Это могла быть «она». Не сбрасывайте со счетов магистрессу Эвангелин и магистрессу Виталию.

– Они бы действовали по-другому. – Маг скривился. – Это дамы, они не терпят насилия. Яд в бокал вина или змея в постель – это да. Но бандиты, отребье с улиц?

– Предубеждения! – Агриппа застыл рядом с мусором; я видел подметки его сапог, добротные, из буйволово́й кожи, и каблуки с подковками. Дорогая обувь, такие сапоги под полсотни золотых стоят. – Времена меняются, мастер, традиции и привычки тоже меняются, это необходимо признать и принять. Замечу: магистресса Эвангелин поняла это еще пару лет назад и запросто могла сработать на парадоксе. Магистресса Эвангелин – сильный противник. И вас она ненавидит так, как никто другой.

– Может, поднять его из мертвых? – Маг глянул на тело Толстого Го. – Да порасспросить?

– Это запрещенный ритуал, – отозвался Агриппа. – Впрочем, вам закон не писан, я к этому давно привык. Но прошу учесть, что мы в городе, причем густонаселенном. Тут наверняка квартирует представительство ордена Истины, а то и полноценная миссия. Охота вам потом с черными братьями объясняться?

Прав этот Агриппа – миссия ордена Истины у нас в городе Раймилле полноценная, со старшим отцом, тремя отцами-наставителями, двумя десятками братьев-ищек и дюжиной братьев-эксекуторов. Столица королевства как-никак, это обязывает. Я-то не раз у них в здании бывал, они каждую неделю устраивают бесплатный обед для неимущих, напоминая: «Орден для народа, а не народ для ордена». Формализм у них в крови, что не слишком удивительно, особенно если знать их историю. Я эту самую историю знал, во время бесплатных обедов кто-нибудь из отцов-наставителей непременно ее рассказывал, чтобы люди осознавали, у кого они в гостях. Да и про магов от них же я слышал немало.

Орден Истины появился лет триста назад, в те времена, которые позже назвали Веком смуты или Веком перемен и которые изменили лицо всего нашего мира, носящего название Рагеллон, от Ледяных островов на севере до Южного океана. Еще Рагеллон иногда называли мудреным словом «континент», я даже не знаю почему. Но слово красивое.

Так вот, триста лет назад по какой-то причине почти одновременно, всего-то за год-два, испустили дух представители почти всех родовитых фамилий Рагеллона, включая королевские, причем мор косил их под корень, до пятого колена. Вряд ли это было случайно, но никто так и не докопался до истинной причины. Да и не слишком-то расследовали – не до того всем было. Пустых престолов оказалось много, а претендентов на них – еще больше. И у каждого из претендентов, даже самого убогого, нашлись последователи, которые всячески пытались посадить своего принципала повыше. Плюс под шумок особо лихие авантюристы, не мудрствуя лукаво, начали перекраивать давно размежеванные границы королевств.

В результате мир захлестнула война. Все резали всех, в ход шли любые методы и средства, люди просто осатанели от насилия и крови.

Неудивительно, что скоро сталь перестала быть единственным способом упрочить свои позиции, к ней на помощь пришла магия. Причем конечно же черная, ибо белое чародейство не для войны.

Кто из сильных мира сего первым разрешил снова отправлять древние ритуалы магии ночи и смерти, неизвестно, но вслед за ним, наплевав на Круг магов, все королевства позволили практиковать запрещенное колдовство открыто, не боясь наказания. А может, и никто не разрешал, может, чернокнижники сами решили вернуть себе свои права.

Зашевелилась земля на кладбищах, и оттуда полезли мертвые, чтобы терзать живых. На старых капищах вновь установили деревянных идолов, и их рты были густо измазаны свежей кровью. В ущельях Холодных гор за клубился фиолетовый туман, вдохнув который, человек забывал все, что знал. На дверях деревенских домов, как в старые времена, появились венки из терновника, который, по поверьям, отводит злой взгляд и черные души.

Безвластие породило насилие, насилие призвало зло, а злу всегда плевать на все и всех, у него свои цели.

Черные маги, колдуны, ведьмы – все те, о которых люди давно забыли, оказывается, вовсе никуда не сгнули. Они просто где-то отсиживались все это время и ждали своего часа. И дождались.

Уже очень скоро те, кто дал им свободу, пожалели об этом. Ученики Тьмы не собирались никому отвоевывать престолы, их интересовала только собственная судьба и вся та власть над людьми, до которой они могли дотянуться. Нет, они могли посадить на трон удобного для них человека, но при условии, что он будет играть по их правилам и им на пользу. Личные интересы новоявленный правитель должен был держать при себе, являясь, по сути, не более чем марионеткой в чужих руках.

Дальше все было просто. Слуги Зла опять допустили ошибку, которая стоила многим из них жизни. Просто они никогда не умели объединяться, в отличие от своих коллег, практикующих магию света и жизни.

Отдельно стоит заметить, что маги разных конфессий и школ никогда друг с другом без нужды не воевали. Они превосходно уживались, ведь делить им было нечего, да и методы у них разные. Правда, если дело доходило до личных интересов, вроде власти или денег, могло произойти все что угодно. Впрочем, подобным грешат все – и маги и обычные люди. И еще спорный вопрос, кто больше.

Впрочем, светлые маги в тот раз тоже опростоволосились. Точнее, опоздали. Они тогда прекрасно поняли, к чему идет дело, и терпеливо ждали, когда люди неодаренные явятся к ним с поклоном и просьбой о помощи. Конклав магов Света даже подготовил список

требований – плату за свою помощь.

Но вот только эта самая помощь обычным людям не понадобилась. Впервые в истории Рагеллона они сами решили проблему, связанную с магией.

Все началось в самом большом городе континента, в столице королевства Айронт – Миклайте. И, как это водится, причиной схода огромной лавины оказался маленький камешек.

Капитан королевской гвардии Диорд, вернувшись домой, застал жену в слезах и очень быстро выяснил, что послужило тому причиной. Оказывается, их шестилетнюю дочь час назад без каких-либо объяснений забрал черный маг из ордена «Кубок Ночи», того самого, адепты которого два года назад возвели на престол короля и после этого творили в Айронте все, что им заблагорассудится.

Диорд кинулся к зданию ордена, но было поздно – его малышку уже принесли в жертву во время какого-то жуткого ритуала. Все, что от нее осталось, – платишко да отрезанная под корень косичка светло-русых волос. Их, словно в издевку, отдали почерневшему от горя капитану два молодых и очень наглых послушника ордена.

Лучше бы они этого не делали.

Капитан не стал топить горе в вине, не стал винить во всем жену, не углядевшую за дочерью, и бить себя кулаками в грудь. Нет. Он пошел к своим воинам и спросил у них:

– Братья, как долго эти проклятые чародеи будут терзать нас?

Он сказал еще много чего. Сначала – гвардейцам, а после – и горожанам, которые внимательно его выслушали. И вечером люди, ведомые капитаном, разнесли по кирпичику башню, где обитал «Кубок Ночи», и сожгли ко всем демонам ее обитателей.

И – что примечательно – никто из горожан при этом не умер. И проклятие ни на чью голову не упало. Маги просто с воплями передохли на шестах в пламени – и все.

Такие вести разносятся быстро, а люди, уставшие от страха, легко усваивают то, что им выгодно.

Костры зачали везде – в больших городах и маленьких деревнях, в горных селениях и лесных поселках. Народ начал так лихо уничтожать магов, что даже не слишком разбирался, черные они или светлые? Чародей? Пожалуйте на костер!

При этом как-то сами собой прекратились междоусобные войны, кое-кто даже поговаривал о том, что именно маги их и раздували. Не исключено, что так оно и было на самом деле.

В какой-то момент дошло до того, что чуть ли не впервые с начала времен маги всех конфессий собрались на один общий совет. Какие там дразги и старые обиды, когда вероятность полного истребления чародеев.

На этот совет были призваны и повелители людей, те самые, которые буквально недавно у магов с ладони ели. Причем держались они теперь более чем уверенно.

И уже обычные люди выставили магам неподъемный счет, который те обязаны были оплатить в обмен на жизнь. Или, как вариант, смириться и более не претендовать ни на что в этом мире. Маги выбрали последнее, им просто не оставили выбора.

По сути, этим и закончился Век смуты. Были снова определены границы королевств, правда, государств стало куда больше, чем раньше, но это мелочи. Новые короли сели на свои престолы, и магически неодаренные люди стали истинными хозяевами континента. Ну а чародеи получили право на жизнь и ряд обязанностей, от которых нельзя было отвертеться. Магам было запрещено занимать любые значимые должности в государстве.

Такова была цена их медлительности и заносчивости.

А еще возник орден Истины. Организация, которая следила, чтобы обладатели магического дара не позволили себе чего лишнего.

Нет, о каком-то тотальном контроле над магами речь не шла, но отныне они всегда помнили о том, что дверь в их башню, замок или просто дом может в какой-то момент рухнуть, в пустой дверной проем войдут крепкие молчаливые люди в черных балахонах, а дальше все будет очень плохо. Дальше будет колючая веревка, шершавое дерево за спиной и дым, который распирает грудь, заставляя неудержимо кашлять. А потом – боль до самой смерти. И слушать их никто не станет, поскольку говорить будет нечем – язык им вырвут сразу же, еще в доме.

И нет от этого спасения. Чародей – это чародей, но он один, а обычных людей – много. Даже если он силен в боевой магии, то это его не спасет. В самом крайнем случае его просто завалят телами – вот и все. А в замкнутом помещении, со связанными руками и вырванным языком не больно поколдуешь.

Шли десятилетия, жизнь на континенте устоялась, ужасы Века смуты потихоньку забылись. Маги понемногу восстановили позиции в обществе (правда, к власти их больше не подпускали, это правило было незыблемо), а служители ордена стали заниматься побочными делами. Например, открывали школы для детей бедняков, кормили бездомных и культивировали здоровый образ жизни среди населения.

Но свое главное дело, для которого был создан орден, они не позабыли, а потому темный ритуал, о котором упомянул маг, не мог пройти мимо них, были у братьев-ищек свои способы узнавать о подобном.

И с огромной долей вероятности очень скоро этому магу пришлось бы отвечать на вопросы отца-наставителя. Почему он убил этих людей? И зачем призвал душу одного из них из Темных Пределов? И не замышляет ли он создать армию немертвых для свержения законной власти в этом королевстве?

– Твоя правда, – вздохнул маг. – Объясниться-то я объяснюсь, но сколько времени уйдет на это! Хотя теперь оно у меня есть. Нет, ну вот как же обидно – опоздали-то всего-ничего, минутой раньше – и барон остался бы жив. Вот он, минус заклинаний слежения – направление они указывают верно, но на местности совершенно бесполезны.

– Мастер, а давайте поговорим с вот этим юношей. – Меня схватили за шиворот и выволокли из-под трухлявых досок, куда я забился в тот момент, когда маг только появился на пороге. – Может, он нам расскажет что-то такое, чего мы не знаем?

Силы Агриппа был невероятной. Он держал меня на вытянутой руке, абсолютно не напрягаясь. Я хоть и не такой тучный, как мой приятель Бубука, но все-таки и не куриное перышко, которое ничего не весит.

– А давай. – Маг подошел ко мне. – Ну-те-с, юноша. И как вас зовут?

– Костежог, – немедленно ответил я. – Костежог из Портового квартала. Я тут просто ночевал, а как эти пришли, сразу спрятался. Я их вообще впервые вижу. Правда-правда.

– Что примечательно, Агриппа, – сказал своему спутнику маг. – Он очень, очень хорошо держится. И говорит так... Уверенно, что ли. Молодец.

Маг задумчиво осмотрел меня с головы до пят. Я сделал то же самое.

Чародей был очень стар, куда старше, чем мне показалось поначалу. Ему, наверное, было лет двести, если не больше. Они, маги, живут очень долго. Наставник Джок говорил мне, что они вообще могут жить вечно, если их не убить.

А вот умирают они так же, как и обычные люди, если со знанием дела им удар нанести. В сердце там или в голову. Но бить надо непременно насмерть, чтобы на тебя проклятие не успели наложить.

– Так кто ты? – подозрительно дружелюбно поинтересовался маг у меня. – Только называй свое подлинное имя. Давай не будем тратить наше общее время.

– Как тебя зовут? – без сантиментов тряхнул меня Агриппа. – Чем занимаешься?

– Крис, – неохотно пробурчал я, понимая, что на этот раз врать не стоит. Почему-то я точно знал, что вранье мне выйдет боком. – Крис Жучок. Я ученик при мастере-воре Джокке Трехглазом.

– Что за имена, Агриппа, – вздохнул маг. – И где эти имена в ходу? В королевстве Форсхейд, том самом, где двести лет назад зародилось великое искусство белого стиха. Нет, падение нравов просто ужасает.

– Хорошее имя, – пробурчал я. – Что вам не нравится-то?

– Поговори еще. – Меня тряхнули без особой жалости.

– Дискуссия – это прекрасно. – Маг ухватил меня за подбородок неожиданно сильными и холодными пальцами и уставился мне в глаза. – Зачем вы убили вон того юношу? Кто вам приказал это сделать? Кто вас нанял?

– Да не знаю я! – Мне захотелось завывать в голос. Я и вправду этого не знал, но никаких доказательств своих слов привести магу не мог. – Го, вон тот, который вас послал перед смертью, сказал мне, чтобы я заманил этого дворянчика в переулочек, а там его уже сам принял, вместе со своей капеллой.

– Капеллой? – нахмурился маг.

– Ну да. – Я поводил глазами по сторонам. – Вон она вся... Валяется.

– Бандой, – пояснил Агриппа. – Сколько городов – столько названий. Дальше говори.

И меня снова тряхнули. Пресветлая Лионелла, до чего же он силен! Столько времени меня на вытянутой руке держит – и хоть бы хны.

– Я Го две недели назад проигрался в кости, – немедленно продолжил я. – Остался должен. Добро бы деньги, а то ведь не их, а дело. Одно дело. Игорный долг – святое, так что деваться некуда было. Ну, я вашего парня и заманил в переулочек. Это я умею, это часть моей профессии.

– Молодой барон был умен и осторожен, – заметил маг. – Да и потом – чем оборванец вроде тебя мог его заинтересовать? Ну не шлюхами же?

– Кошель у него срезал, – вздохнув, произнес я. – И дал ему себя заметить. Это наш обычный трюк. Человек за тобой бежит, попадает в один из переулочков Портового квартала, а там его и... Только я же не знал, что Го его убивать будет! Думал – разденут, как обычно, может, еще по голове палкой треснут, чтобы он скис. Кабы я знал, что они смертоубийство задумали, то под это дело не подписался бы ни за какие коврижки!

– А игорный долг? – засмеялся Агриппа. – Он же – дело святое?

– Долг долгу рознь. Я вор, мое дело – чистить чужие карманы, а не железкой людям в пузо тыкать. Толстый Го тоже был вор, не знаю, с чего он смертоубийствами решил заняться.

Ну, насчет железки и пуза я немного приврал. Нет, убивать мне не доводилось, но если бы речь шла о моей жизни, то еще неизвестно, как бы все обернулось.

– То есть ты вообще ничего не знаешь? – Маг пропустил мои слова мимо ушей. – Кроме того, что уже рассказал.

– Ну да. – Я покивал. – Они этому вашему барону руки в переулке заломили, рот тряпкой заткнули и сюда его отволокли. И меня – тоже, не успел я пятки салом смазать. Думаю, если бы не вы, то они бы и меня тоже прирезали, так что спасибо вам, дяденьки, за помощь.

– Хитер. – Маг засмеялся. – Агриппа, мы теперь вроде как его спасители, нет у нас морального права его жизни лишать. А он мне определенно нравится.

Маг подошел к трупу своего знакомого и покачал головой:

– Но вот что теперь нам делать? Барон мертв, все планы разрушены. А что мне говорить коллегам?

Он поковырял носком сапога лужицу уже свернувшейся крови, которая натекла с трупа, склонил голову на плечо, осмотрел покойного, а после повернулся к нам.

– Агриппа, отпусти-ка нашего нового приятеля.

Я наконец ощутил под ногами пол. Это было приятно.

– Рост тот же. – Маг задумчиво окинул меня взглядом с головы до ног. – Внешне – да, ничего общего, но рост и сложение... Более чем.

– Мастер, это бредовая затея. – Агриппа фыркнул. – Где барон и где – этот оборванец из доков? Такое даже в дамских романах не пишут, а уж они – энциклопедия глупостей.

– Так ты их и не читай, – посоветовал ему маг. – Ну да, идея сомнительная, но все же лучше, чем ничего.

– Мастер, мы можем еще успеть заехать в Лисий бор. – Агриппа подошел к магу – Подберем там экземпляр получше, не думаю, что ваш друг Антиох откажет вам в такой любезности.

– И я буду у него в долгу, – сморщился маг. – Да долг – это еще ладно, но он будет знать о том, что я затеял. И о том, что ему рассказывают далеко не все. И самое главное – если я возьму для нашего дела его ученика...

– То он все сначала будет рассказывать мастеру Антиоху, а уж потом – вам, – продолжил Агриппа. – Признаю, сказал глупость.

– Не то беда, что он сначала будет рассказывать все ему, – назидательно произнес маг. – То беда, что я буду получать только ту информацию, которую соизволит мне выдать Антиох, а уж он ее будет дозировать наверняка. Дружба – тогда дружба, когда люди стоят на одной ступени, вровень и между ними нет ничего, что отличает одного от другого. Любое различие рано или поздно делает эту дружбу или покровительством, или соперничеством.

– Здорово сказали, – искренне произнес я. – Прямо до костей пробрало.

– Парень, ты это бросай, – посоветовал мне Агриппа. – Моего хозяина лестью не проймешь, поверь. Если он решит тебя отправить за Грань, он это сделает. Захочет отпустить – отпустит. Независимо от того, будешь ты к нему подмазываться или нет.

– Да, я такой. – Маг посмотрел на Агриппу. – Ты знаешь, я все-таки склоняюсь к мысли о том, чтобы попробовать его использовать.

– Мастер, я продолжаю утверждать, что из него барон – как из меня капельмейстер, – упорствовал Агриппа.

– Аргументируй, – предложил маг.

И тут я понял: если Агриппа победит, скорее всего, меня, как он выразился, «отправят за Грань». Красивое словосочетание, но для меня очень и очень неприятное. Вот только так и будет. Вряд ли этот очень умный дядька-маг стал бы упоминать свои планы и какие-либо имена в присутствии того, кто потом это сможет кому-то рассказать. Он просто меня даже в расчет не брал. Да и чего ему бояться-то? Что кто-то спросит с него за смерть бездомного

мальчишки-воришки?

– Ладно еще рост и сложение. Но внешность? – начал Агриппа, и маг, загнув один палец, немедленно ответил ему:

– А кто барона в лицо-то знает? И кто его вообще хоть раз видел? Даже не так. Скажи, кто видел хоть одного барона из Лесного края в благословенном герцогстве Химмельстайн, куда мы с тобой и везли нашего уже покойного приятеля? Этих баронов даже при соседних от Лесного края королевских дворах в лицо не знают, что уж об их детях говорить. А наш был даже не наследник, третий сын. Вспомни, его папаша мне чуть ли руки не целовал, когда я его забирал. И прощался с ним так, что было ясно – больше они в этой жизни не увидятся.

– Ладно. – Агриппа кивнул. – А манеры? Где барон – и где вот это?

– Одно от другого не отличается. – Маг засмеялся – Бароны с окраин не лучше дикарей. Тебя же первого перекосило, когда ты увидел, как у них собаки тарелки облизывают. Тут вообще вопрос спорный, у кого манеры лучше. Сдается мне, что воришка из столицы достаточно просвещенного королевства знает поболее, чем барон из медвежьего угла. Другой разговор – грамотность. Вот это – да. Читать-писать наш с тобой конфидент умел, а вот этот господин Жучок...

– Так я ж умею! – чуть не захлопал в ладоши я. – И читать и писать! На общем языке, и на фальконском, и даже руны Ледяных островов немного знаю!

– Что ты говоришь! – обрадовался маг. – Вон как! Нет, все-таки хороший король Эгиберт Пятый, заботится он о всеобщем образовании своих подданных. Даже ворье на улицах грамоту знает.

– Меня это скорее настораживает, чем радует, – хмуро заметил Агриппа, и меня снова ухватили за воротник. – Ладно общий язык, но откуда этот прощельга знает фальконский и тем более руны, пусть даже и немного?

Общий язык – он и был общий, на нем говорил весь Рагеллон, от Южного океана до Лесного края, а вот фальконский язык и вправду знали далеко не все. Это был язык эльфов, которые испокон веков жили в своем закрытом от большого мира королевстве на восточной оконечности континента. Да и руны нордлигов с островов использовались крайне редко.

– Слу-у-ушай... – Маг задумчиво глянул на меня. – А ты, часом, не принц в изгнании? Или, может, тебя похитили из отчего дома, и теперь тебя разыскивает безутешная графиня-мать? Мне, знаешь ли, совершенно ни к чему, чтобы в самый ответственный момент выяснилось, что ты отпрыск знатного рода и кровь предков призывает тебя принять ключи от родового замка.

– Не-а, – с непритворным разочарованием ответил я. – Безродный я, это абсолютно точно. Кабы так было, как вы говорите, то я давно бы уже заявил свои претензии на часть имущества. Или вовсе спровадил на тот свет всю родню, чтобы все себе захватить. Я не жадный, но деньги люблю.

– Еще один аргумент, причем весомый. – Маг посмотрел на Агриппу. – Принципов мало и корыстолюбив.

– Нас же и продаст при случае. – Видимо, я очень не нравился этому здоровяку. – Кстати, ты так и не ответил на мой вопрос.

– Подъедался при одном дворянском доме, – решил я и в этот раз не врать. Кто его, мага, знает, он, похоже, враки нутром чует. – Там ихнего сынка всяким наукам учили, так меня с ним за компанию в классе сажали, чтобы ему не скучно было. Ну и чтобы он понимал,

насколько умен он и туп я. Слушать мне было можно, а отвечать – нельзя.

– Прогрессивный метод, – признал маг. – Сейчас такое модно. Я что-то подобное и предполагал – очень у тебя речь чистая, и мысли ты излагаешь более-менее связно. Агриппа?

– Признаю, – согласился тот. – Да, вот еще что. Благородным оружием он наверняка владеть не умеет. Этому его точно не учили.

– Уже и не знаю, чего от него еще ждать, – с надеждой глянул на меня маг. – Шпагой махать умеешь?

– Не умею, – разочаровал я. – Разве что ножом орудую неплохо. Еще на шестах драться могу, но так, не ахти. И, само собой, кулаками махать обучен, у нас без этого никак.

– Шесты. – Маг щелкнул пальцами. – Уже что-то. Время у нас есть. Хоть и мало, но есть. Основные стойки шпажного боя ты ему покажешь по дороге.

– По дороге куда? – уточнил я. – Не то чтобы я был любопытным, но...

– По дороге туда, куда надо. – Маг подошел ко мне и потрепал меня по голове. – Всему свое время.

И тут он меня так дернул за волосы вверх, что аж слезы из глаз брызнули.

– И не думай, что ты получил свою жизнь обратно, сынок, – очень тихо, очень ласково и очень страшно сказал он мне. – Я тебе даю ее взаймы, и пока – не более того. Даже не твою жизнь я тебе одалживаю, а жизнь вон того парня, барона Эраста фон Рута, третьего сына в своем баронском захудалом роде. Теперь ты – это он. И сбереги тебя все боги, сколько их есть на этом свете, хоть немного меня разочаровать или подвести. Я очень и очень добрый человек, в этом твоя проблема. Злые люди просто убивают. А добрые... Прости за пафос, но добрые продлевают смерть до тех пределов, за которыми начинается безумие.

– И в мыслях не было! – взвыл я. – Господин маг!

– Не ври мне, мальчик. – Ощущение было такое, что мне сейчас голову открутят. – Я знаю все, о чем ты думаешь, и твои планы незатейливы так же, как и ты сам. Соглашаться со всем, что говорю, поддакивать, кивать головой и смяться при первом удобном случае – вот что ты задумал. А если повезет, то еще и стянуть мой кошелек.

Ну, про кошелек он не угадал. Я что, дурак – у мага деньги тырить? Не на его мощну я нацелился, на Агриппину. Но в целом – все так. Мне бы только за пределы складов выбраться, а там – ищи ветра в поле. Найти вора в районе тех же доков не сможет даже королевская стража.

– Дурачок ты, дурачок, – как-то совсем по-отечески сказал маг, отпустил мои волосы и очень ловко перехватил руку. – Я таких, как ты, видел столько, сколько в ином городе жителей нет. И все вы одинаковы.

Руку пронзила боль – маг чиркнул кончиком кинжала, который неведь когда и откуда вынул, по моему запястью. Надо же, какой он у него интересный – серебряный, а в рукоять красные камушки вделаны. Рубины небось. Вот такую бы штучку спереть...

– Великое дело – кровь, – причмокнул маг, разглядывая лезвие своего кинжала, измазанное моей кровушкой. – Для кого-то – еда, для кого-то – жизнь... А для нас, магов, – самый мощный инструмент, самый необходимый ингредиент. Знаешь ли ты, Эраст, о том, что именно кровь является краеугольным элементом в каждом втором обряде или ритуале?

– Крис, – робко напомнил я магу. – Меня зовут Крис, почтеннейший.

И моя голова немедленно дернулась в сторону – это маг, вроде бы и небрежно, хлопнул меня рукой по щеке. Старый ведь и бил без замаха, а гляди-ка ты, будто молотком мне по башке саданули. Сильный он, оказывается.

– Тебя зовут Эраст, – беззлобно напомнил он мне. – Эраст фон Рут, третий сын барона Йохима фон Рута. Ничего, родословную по дороге выучишь. А Криса Жучка больше нет, он умер сегодня, здесь, в этом сарае. Не исключено, что он когда-нибудь воскреснет из мертвых, при условии, что ты сделаешь все так, как я тебе прикажу. Но это вряд ли, ты сам подобного не захочешь.

– Чего это? – изумился я. – Мне это имя при рождении дали, в честь Кристофера Робинса, отважного охотника на медведей и кабанов. Я им горжусь.

– Это имя воришки и неудачника, обитателя городского дна. – Маг одобрительно посмотрел на Агриппу, который начал стаскивать трупы в центр сарая. – В ближайший год, а может, и более того, ты будешь жить среди тех, кто совершенно не похож на людей твоего нынешнего круга. И, поверь мне, когда все закончится (если ты доживешь до этого дня), ты сам не захочешь возвращаться туда, откуда начал свой путь. Общество задает тон и формирует личность. Пообщавшись с теми, кто нравственно выше, лучше и умнее тебя, приблизившись к ним и став почти таким, как они, ты добровольно не захочешь снова опуститься. Это не я придумал, такова сущность человеческая. Вынужденно – запросто, но вот доброй волей...

Пресветлая Миралина, это куда он меня запихнуть хочет?

– Так-с. – Маг отпустил меня, перед этим еще разок пошерудив острием ножа в уже подсыхающей крови на моей руке. – Пока мы болтаем, кровушка сворачивается, а это нам

ни к чему. Ну те-с, не дергайся, ничего плохого с тобой не случится.

Агриппа, который как раз закидывал на труп Толстого Го обезображенное тело Гусеницы, громко захохотал.

Маг приложил мне ко лбу палец правой руки, в левой он по-прежнему держал кинжал с размазанной по лезвию кровью.

Он подмигнул мне и нараспев произнес несколько слов на неизвестном мне языке. Это был не общий язык, и не фальконский, и даже не речь суровых гномов, которые обитали под Алинарскими горами, я ее на рынке слышал. Впрочем, я почти тут же смекнул, что к чему, но догадка эта не сильно меня порадовала. Этот седобородый старикан сейчас делает то, что умеет, – колдует, причем волшба его направлена на меня.

Да и не слова это никакие, а магические формулы, про всякие такие штуки в свое время мне рассказывал старый беззубый Руфус в ночлежке, а он об этой жизни знал все, без дураков. По слухам, некогда он был дворянином и царедворцем, высоко сидел, далеко глядел и с золотой посуды серебряной вилкой ел. Более того, он, несомненно, знал больше, чем следовало, поскольку в одно прекрасное утро мы его обнаружили с перерезанной плоткой. А жаль, он щедро делился своими знаниями, и многое из того, что он нам, бездомной мелкоте, рассказывал, осело у меня в голове. Память-то у меня хорошая, если чего хоть раз увидел или услышал, сроду не забуду.

Лоб обожгло, моя кровь на лезвии кинжала вспыхнула синеватым огнем, а по моим венам как будто прокатилась волна тепла.

– Крепок, – одобрительно проворчал маг, глядя на меня. – Врожденная ментальная защита у тебя на диво хороша, это будет тебе отличным подспорьем.

– В чем подспорьем? – Меня замутило, я неотрывно смотрел на лезвие кинжала, где огонь растерял синеву, сменив ее на ярко-желтый цвет.

– В будущем, – сообщил мне маг и громко выкрикнул какое-то непонятное слово.

Огонь из желтого стал красным, крыша сарая закружилась как карусель на главной площади города в день большого ярмарочного гулянья, и я потерял сознание.

– А я тебе говорю, Агриппа, хорошо он держался. – Голос мага был первым, что я услышал, придя в себя. – Он отключился только на третьей фазе привязки, а это ритуал из пограничных, не забывай.

Судя по тому что в нос мне бил запах кожи и пота, Агриппа нес меня на плече. Надо же, как трогательно.

– А что такое «пограничный»? – не удержался я от вопроса. – И зачем вы вообще это делали, если не секрет?

– О, очухался.

Я немедленно пожалел, что подал голос.

Агриппа, поняв, что сознание ко мне вернулось, тут же без особых церемоний сбросил меня с плеча прямо на землю.

– Дальше сам пойдешь, – буркнул он себе под нос.

– Пойду, – покладисто согласился я, понимая, что кому-кому показывать свой гонор, так только не мне и не сейчас.

– Пытливость – прекрасное качество. – Маг в высшей степени любезно протянул мне руку. – Итак, тебя интересует, что такое «пограничный ритуал»?

– Ну да. – Я отряхнул зад. – И еще – какое это имеет отношение ко мне? Мастер... э-э-э... А как вас зовут? Вон того – Агриппа, я запомнил, а ваше имя – нет.

– Это потому, что его никто и не называл, – пояснил маг. – Зачем какому-то мальчишке, тем более такому шустрому, как ты, его знать? Но теперь все встало на свои места, так что давай знакомиться. Зовут меня Гай Петрониус Туллий, но ты можешь называть меня «мастер Гай». Я маг девятой ступени посвящения и принадлежу к ордену «Силы Жизни».

Из всего этого я понял только то, как его зовут. Все остальное вроде бы и было сказано на общем языке, но для меня лично осталось загадкой. Образования мне не хватает, чтобы все это понять. Хотя про степени посвящения я от Руфуса слышал, и выходит, что этот Гай Петрониус Туллий – важная птица. Всего этих степеней девять, первая доставалась магу вместе с вручением посоха, а девятая была последней ступенькой к вершине магической иерархии – званию архимага.

– Не морщи лоб, – попросил меня мастер Гай. – Всему свое время, я тебе многое объясню и много чего расскажу. Все, что тебе следует знать, если быть более точным.

Учиться я любил, а потому подумал: «А может, и не делать ноги от этого старика? Ну да, он жутковат, зато знает много чего. Опять же кормить, наверное, будет. Если с собой тащит куда-то, то подохнуть от голода, наверное, не даст».

– А у тебя и не получится сбежать, – усмехнулся маг, и я щелкнул зубами, решив, что высказал свои мысли вслух. – Теперь – не получится.

Агриппа засмеялся, глядя на меня.

– Юноша, я очень стар, – мягко произнес мастер Гай. – И потому твое лицо для меня – как открытая книга, прости за банальное сравнение, избитое романистами всех мастей и пошибов. Что поделаешь, есть расхожие штампы, и от них никуда не деться. Да, вот что еще, мне на заметку. Твоя мимика – над ней тоже надо будет поработать, и основательно. Агриппа, это беда какая-то. Дел – море, а времени – в обрез.

– У меня тут еще один вопрос образовался. – Решив, что хуже, чем есть, уже не будет, я подергал мага за рукав. – А почему...

– Не выйдет сбежать? – понимающе кивнул мастер Гай и достал из кармана дорожного кафтана маленькую прозрачную мензурку из восточного стекла. Очень дорогая штука, я такие видел на рынке. – Вот, смотри.

В мензурке был какой-то песок, переливающийся всеми цветами радуги. Было его немного, и, глядя на него, я ощутил холодок внизу живота. Не знаю, как, но я сразу понял, что там, за стеклом, смертушка моя.

– Нет, какой смысленый. Зря я тебя недавно незатейливым назвал, – восхитился мастер Гай. – По глазам вижу – не знаешь, что это такое, но догадался, что вещь непростая. Гляди-ка!

Он провел пальцем по стеклу и что-то шепнул. Песок внутри закрутился миниатюрным вихорьком, и по моим жилам как будто жидкий огонь пробежал.

– Во-о-от, – наставительно поднял палец маг. – Это я всего лишь просто показал тебе, что к чему. Твоя кровь, а стало быть, и твоя жизнь, теперь в моих руках. Если ты сбежишь, или будешь непокорным, или просто учудишь что-то такое, что мне очень не понравится, я тебя ловить и ругать не стану. Я просто заставлю твою кровь кипеть в жилах, как масло на сковороде.

Он снова провел по стеклу мензурки пальцем, но уже куда сильнее. И мне показалось, что сейчас все мои вены просто взорвутся, так они напряглись.

– У тебя есть еще вопросы? – Маг мне подмигнул.

– И много. – Голос у меня дрожал, колени подгибались, но я все еще был жив. А пока ты

жив, следует жить, так меня учил Джок. – И самый главный – вы когда-нибудь отдадите мне эту стеклянную штучку? Или я теперь навеки ваш раб?

– А может, и не такой уж пропащий этот оборванец, – заметил Агриппа. – По крайней мере, держится он неплохо. Куда лучше, чем та слякоть в камзолах, что ходит в ваш дом со своими просьбами.

– Он вырос на улице. – Мастер Гай убрал мензурку в карман. – Там выбор невелик – или у тебя выковывается характер, или ты просто умираешь. Я знаю. Я сам так рос. Что до твоего вопроса, мой мальчик... Я подарю тебе твою жизнь после того, как ты сослужишь мне службу. Хорошо сослужишь, на совесть. Даю в этом тебе слово. Более того, если все закончится так, как мне того хочется, и ты после этого будешь жив, я тебя еще и вознагражу. Поверь, это будет хорошая и справедливая награда.

Награда – это хорошо, но вот упоминание о том, что я могу по дороге к ней голову сложить, мне не понравилось.

– Мастер, надо бы идти. – Агриппа повертел головой. – Вон как разгорелся костерок, скоро тут стражи будет много. Зачем нам эти объяснения с орденом?

Я посмотрел туда же, куда он, и присвистнул. Судя по всему, полыхал тот самый сарай, в котором капелла Толстого Го нашла свой конец, а я обрел на свою голову то ли хозяина, то ли работодателя. Горело славно – дым валил сизыми клубами, и даже языки пламени видны были. И еще мне показалось, что и соседние сараи занялись уже. Если это так, то к ночи от этого места останется лишь пепелище. Как бы огонь на город не перекинулся!

– За умышленный поджог городской собственности дают пятьдесят плетей и полгода каменоломен, – тревожно сообщил я магу. – А за такой... Могут и повесить, у судьи Адамса характер тяжелый. Так мне знающие люди говорили.

– Не будем конфликтовать с королевским правосудием, – согласился со мной мастер Гай. – Да и вообще в этом городе делать нам уже нечего. Пора в путь!

И маг бодро зашагал туда, где уже гудела многоголосьем улица и слышались вопли: «Пожар!»

– Я так и не понял – куда мы едем-то? – спросил я у Агриппы, который только ухмыльнулся на слова своего хозяина.

– А тебе какое... – услышал я уже привычные слова, но, к моему величайшему удивлению, он эту фразу до конца не договорил, а сообщил мне вполне нормальным тоном: – Далеко, барон, далеко. Аж в герцогство Химмельстайн. Слышал про такое?

– Не-а, – помотал головой я. – Это где-то недалеко от Западного океана?

– Не то чтобы так, но – да, – подтвердил Агриппа.

– У-у-у, – протянул я. – Не близко. Дыра небось еще та.

– Дыра. – Агриппа пожал плечами. – Так герцогство ведь, не королевство даже.

Как-то давно мне довелось увидеть карту Рагеллона, представилась такая возможность. И я поразился тому, как она напоминает «одеяло дружбы», которое сметал на коленке из разноцветных лоскутов какой-нибудь подвыпивший подмастерье портного.

После Века смуты, который изменил лик Рагеллона раз и навсегда, старые границы государств были забыты, а чтимые веками порядки и законы рассыпались, как карточный домик. Но на их обломках, как грибы после дождя, появились новые молодые королевства, причем самых разных размеров, и, как правило, величина государства зависела от того, какое войско оно могло выставить одновременно и какое именно приданое досталось новому королю от старых времен. Ну и от воли нового правителя, конечно.

Например, Айронт, до того небольшая держава, по воле короля Линдуса Первого и благодаря тому, что именно на этой земле зародился орден Истины, очень быстро, буквально лет за десять, значительно прирос землями, а сейчас и вовсе был первой скрипкой в оркестре Центральных королевств. Замечу отдельно – король Линдус Восьмой, который в настоящий момент сидел на престоле Айронта, во многом единолично определял политику Рагеллона, и к его мнению прислушивались не только ближайшие соседи, но и эльфы, и даже гномы, а это что-то да значило.

И наоборот – Фротир, расположенный у Западного океана и до Века перемен являвшийся огромной державой, развалился буквально на куски сразу же после того, как чума отправила короля и его семью в лучший из миров. Причем воедино эти земли больше так никто и не собрал, они распались на несколько королевств и три с лишним десятка суверенных герцогств.

Ради правды, время от времени и повелители этих самых королевств, и владыки соседних держав пытались присоединить независимые герцогства к своим землям или хотя бы добиться от них вассалитета, но ничего у них не получалось. Не слишком ладящие в дни мира друг с другом, герцоги в военную годину становились одним целым и давали отпор агрессору. Ну а после этого снова враждовали друг с другом. Гипотетически по их герцогствам можно было бы прокатиться огнем и мечом, но кому нужна выжженная земля без подданных? Никому.

Впрочем, тот же Руфус, упокой боги его душу, предполагал, что такое дело – лишь до поры до времени, рано или поздно найдется тот, кто сначала поглотит герцогства, потом – королевства поменьше, а там и до титула императора недалеко. Руфус называл это «генезис власти». И еще он был уверен в том, что императора будут звать Линдус. Может, за такие речи его и прикончили, в конце концов?

Но это я отвлекся. Вот в одно из этих герцогств мы и держали путь.

Из моего родного города мы отбыли очень быстро – пожар-то вышел нешуточный, столбы дыма я видел еще часа три после того, как мы выехали из западных ворот. Похоже, занялись-таки жилые кварталы, на что мастер Гай философски сказал:

– Огонь очищает. И потом, на пепелище лучше вырастает новая жизнь.

И пришпорил коня, ускорив ход.

Я тоже ехал верхом – пришлось, Агриппа заставил. Врать не буду, до этого мне на лошадь влезать не доводилось ни разу, и, если бы не этот здоровяк с его кулачищами, я бы на нее ни в жизнь не вскарабкался.

Как же я отбил себе зад о седло в первый день! Это просто ужас что такое! И ляжки натер тоже. Но – надо. Мастер Гай не шутил, когда говорил о том, что мне предстоит много чего усвоить. Я просто не представлял себе, насколько много.

День за днем он вдалбливал мне в голову всякое-разное, причем настолько разное, что я только диву давался. Я выучил родословную баронов фон Рутов – от первого из них, Лео фон Рута до своего якобы батюшки, Йохима фон Рута.

Я узнал, как охотятся с собаками, как загоняют оленя, как травят медведя и как смотреть в горло подсадным уткам.

Я носил вещи покойного барона, чтобы они выглядели на мне естественно, будто я в них вырос. Мало того, мне пошили еще несколько костюмов, ради этого мы даже задержались в славном городе Триндите.

Мне рассказали о фамильных древах всех правящих семей Рагеллона (тут, правда,

я не сильно напрягался, все равно всех этих венценосных персон не запомнишь. Много их очень.). Я заучил наизусть имена великих мудрецов прошлого и названия их сочинений. Агриппа назвал это лишним трудом, но мастер Гай все равно заставил меня это сделать.

Если мы ночевали в городе, то, как правило, маг селился в лучшей гостинице и требовал, чтобы ужин нам сервировали так, как это делается у каких-нибудь графов или даже королей. Не потому, что он был столь чванлив, просто я должен был усвоить, как вести себя за столом в приличном обществе. Вы когда-нибудь ели с толстыми книжками под мышками? Нет? Вы не знаете жизни. Еда была отменная, я эдакой снеди сроду не пробовал, даже когда жил в благородном доме. Но половина ее поначалу пролетала мимо моего рта.

Но это еще ничего. Если мы останавливались на ночевку в каком-нибудь занюханном месте или в лесу (а бывало и такое), то меня ожидало куда более серьезное испытание. Я попадал в руки Агриппы, который учил меня владеть благородным оружием, то есть тяжелой шпагой^[2] и дагой^[3]. Как правило, при поединках дворяне орудовали именно ими.

Кстати – и шпага и дага у меня теперь были свои собственные, мне их купил Агриппа в первом же крупном городе, которым оказался Триндит. Он долго и придирчиво осматривал товары в нескольких оружейных лавках города, сам махал клинками, заставлял меня это делать, дотошно расспрашивая о том, насколько хорошо оружие лежит в руке, цокал ногтем по лезвию и задавал торговцам массу непонятных для меня вопросов.

В результате я стал обладателем даги и шпаги, клинок которой был украшен гравировкой в виде изящных букв, складывающихся в слово. В имя мастера, как мне объяснил Агриппа. И теперь наутро у меня болел не только зад от седла, но еще и руки от махания тяжеленным клинком, а также грудь – от множества уколов и порезов. Чудо, что Агриппа вообще меня не прикончил до сих пор – я не понимаю, как он всякий раз чуял, что пора остановить клинок. Я слышал, что благородные для таких учебных поединков используют специальные нашлапки на острие. Не знаю, Агриппа подобными вещами себе голову не забивал.

Хотя, может, именно это меня и подстегивало к тому, чтобы научиться отбивать его удары и делать это правильно. Через три недели он сообщил мне:

– Ну, это уже что-то. По крайней мере, ты хотя бы держишь клинок правильно, а не как деревенщина.

В его устах звучало как похвала.

Мне приходилось очень нелегко, но это не значит, что я только жаловался и жалел о том, что в подобное ввязался. Нет-нет. Я учился – и охотно.

Если правящие фамилии королевских домов и методы охоты были мне безразличны, то географию и историю Рагеллона я слушал с открытым ртом – и она сама была интересна, да и рассказчиком маг был отменным. С неменьшим прилежанием я постигал правила хорошего тона и умение убивать себе подобных – это было то, что непременно пригодится мне в жизни.

Да и понравилось мне искусство фехтования неожиданно для меня самого. От занятий я не отлынивал и выкладывался на них по полной.

Через месяц с лишним мы покинули Центральные королевства континента, и наш путь продолжился по землям герцогств.

– В этих краях нам следует быть более осторожными, чем ранее, – сообщил мне мастер Гай, показывая на покосившийся столб с прибитой к нему ржавыми гвоздями некрашеной доской, на которой тупым ножом была криво и косо вырезана надпись: «Герцогство Махерштайн». – Герцоги – народ непредсказуемый и вздорный. К тому же у них в чести

кровосмесительные связи, что не способствует появлению на свет хоть сколько-то разумных правителей. Вот скажи мне, Эраст, кем надо быть, чтобы установить подобное? Если это граница, то где будка с капралом, разделительная линия и все прочее? А если столб установлен просто так, то какой в нем смысл?

– Лет пять назад я еле унес ноги от одного такого герцога, – добавил Агриппа. – Его денежные дела были настолько плохи, что он взялся за разбойничье ремесло и отлавливал всех, кто проезжал через его земли.

– С целью взимания пошрины или с целью грабежа? – заинтересовался мастер Гай.

– Всего сразу, – хмуро ответил Агриппа. – И еще выкуп требовал от родных и близких захваченного. Еле отмахался тогда. Да вы должны помнить ту мою поездку, мастер.

– Да-да. – Маг кивнул и снова посмотрел на столб. – Нет, герцогская вольница – это просто безобразный нарост на теле западных земель. Куда только смотрит Линдус Восьмой, я не понимаю?

И вскоре я с ним согласился. На территории королевств были отменные дороги, то и дело на глаза попадались путевые указатели, и, заселяясь в придорожную гостиницу, ты мог быть уверен в том, что в кровати не будет клопов и наутро ты проснешься живым. Здесь подобным и не пахло.

В этом герцогстве, а после и в других, нас не раз пытались ограбить и убить. Это случалось на лесных дорогах, в придорожных заведениях и даже на улице милого уютного городка со звучным названием «Фрайштадт». Причем в последнем случае – прямо среди бела дня.

Как ни странно, подобные происшествия вызывали радость у Агриппы, всякий раз он это безобразие называл «практическими занятиями» и заставлял меня сражаться с последним из оставшихся в живых негодяем. Поначалу это был не самый сильный боец, но и не самый слабый, кто-нибудь из тех, кто умеет держать в руках шпагу, но недостаточно хорошо, чтобы прикончить меня сразу. И раз за разом Агриппа выбирал для меня все более и более серьезных противников, требуя, чтобы я не просто махал железом, а думал над тем, как убить своего врага. Он постоянно повторял мне, что поединок выигрывает не тот, кто лучше владеет оружием, а тот, кто сможет своего противника загнать в угол.

А как он возмущался, когда я не пожелал довести дело до конца и прикончить самого первого своего поединщика. Ох, как он орал!

Можно подумать, что мне так вот легко было убить живого человека. Ну да, я рос на улице, но раньше мне убивать не приходилось. Всякое было, да и ножом я орудовал не раз, но все же не убивал, не было у меня такой цели. А тут – пришлось, поскольку, когда я опустил шпагу и сказал, что не могу этого сделать, мастер Гай достал из кармана заветную мензурку и молча показал мне.

И тогда я воткнул острие клинка в горло лежащего на земле разбойника. Выбирая между своей и его жизнями, я выбрал свою. А потом мне было очень плохо, я вообще заснуть две ночи не мог – все казалось, что как только я закрою глаза, так этот человек за мной придет.

Не пришел. К тому же вскоре мой личный счет пополнился вторым покойником, и лицо первого подзабылось.

Вот так шло время. Лето было гнилое, и мы месили грязь на проселках герцогств, названия которых я забывал быстрее, чем мы их проезжали. Я все увереннее орудовал шпагой, получил массу сведений о том, что должен знать молодой барон из захолустья, но так и не приблизился к ответу на основной вопрос: в каком качестве я нужен магу?

К чему он меня готовит?

Впрочем, все когда-нибудь кончается, кончились и наши странствия. Через три недели после того как мы покинули королевства, когда лето почти подошло к концу, я наконец снова услышал знакомое название.

– Вот и граница славного герцогства Химмельстайн, – сообщил мне Агриппа. – Добрались, стало быть.

Мы только-только выехали из леса, и путь нам преградил обрыв. Тут это обычное дело, вместо дороги – обрыв. Или река, без малейших признаков парома или перевоза, особенно если в этом месте заканчиваются границы очередного герцогства. Его светлости местному герцогу все равно, как люди будут покидать границы его земель. Да и чего вообще уезжать из его владений, ведь это – рай земной, а у соседа ничего хорошего нет. И сам сосед – свинья вонючая, если не сказать хуже.

– Красиво, – признал я. – Но большой разницы между тем, откуда мы приехали, и тем, куда мы направляемся, не вижу, если честно.

Под обрывом текла небольшая речушка, за ней был зеленый луг, за лугом начинался лесок. Ничего принципиально нового.

– Это потому, что ты пока еще не научился предчувствовать удовольствие от приближения к намеченной цели, – пояснил Агриппа. – Поверь мне, Эраст, это одно из самых сильных ощущений в жизни. Более притягательным может быть только вид умирающего заклятого врага и, пожалуй, лицо того человека, который убьет тебя.

– Все у тебя к одному сводится, – проворчал я.

Надо заметить, что у меня с Агриппой в результате сложились вполне приятельские отношения. Общие потасовки и совместная прогулка в бордель сближают мужчин.

В бордель меня отправил мастер Гай, сообщив:

– Барон Рут не может быть девственником, это исключено. И мне совершенно не нужно, чтобы задуманное провалилось из-за какой-то девки, которая растрезвонит всем об этом.

Не знаю, как он пронюхал о том, что я еще не был с женщиной. В результате я провел ночь в на редкость веселом месте. Впрочем, против я ничего не имел, мне там очень даже понравилось.

Агриппа составил мне компанию, и наутро мы вышли оттуда если не молочными братьями, то приятелями. Как выяснилось, веселые дома сближают куда быстрее, чем совместные путешествия.

Хотя я не обольщался на его счет. Дружить с ним – это как дружить с горским волкодавом. Он будет позволять себя гладить до той поры, пока его хозяин не скажет: «Взять». И все. Мощные челюсти уже сжимают твое горло.

Тем не менее я уже позволял себе отпускать комментарии о происходящем и даже изредка иронизировал. Никогда, кстати, не подумал бы, что я именно иронизирую. Всегда считал, что просто шучу. Но мастер Гай сказал, что у меня неплохо выходит именно иронизировать, а после объяснил смысл этого слова. Еще он посоветовал мне знать в этом деле меру, и я с ним согласился. Убивать меня Агриппа не стал бы, но кулаком по сопатке вдарить запросто может.

– Сколько отсюда до Кройцига? – спросил маг у Агриппы. – Когда мы до него доберемся?

– Два дня – самое большее, – ответил тот. – Если заночуем здесь, то послезавтра к вечеру будем на месте.

– Заночуем здесь, – немедленно заявил мастер Гай. – Вниз только спустимся.

– От реки сыростью тянет, – поежился я. – Как бы не простыть.

– Эраст, стыдись, – попенял мне маг. – Ты барон из Лесного края, ты можешь спать на снегу и есть сырое мясо. Тебе ли бояться банальной простуды?

– Тот барон, может, ее и не боялся, – хмыкнул я. – А я...

– А ты – это он. – Маг вытянул руку и цапнул меня за подбородок. – Не заставляй меня жалеть о том времени, которое я на тебя потратил. Ты – он. Ты можешь скакать на лошади неделю подряд, махать шпагой и травить лису, и это все ты умеешь делать с детства. Ты – барон фон Рут.

– Я барон фон Рут, – устало подтвердил я.

Я так часто себе это повторяю, что и сам начинаю в это верить. Но мне совершенно не хочется проживать чужую жизнь. Она рано или поздно кончится, и с чем я тогда останусь? Точнее, кем я тогда буду? Не барон фон Рут, но уже и не Крис Жучок.

На самом деле не тянуло от реки сыростью. Плеск воды немного успокоил меня. Это у них цель приближается, а мне – сплошные переживания. Нет ничего хуже неизвестности, а она сейчас – моя верная спутница.

– Не дергайся так, – посоветовал мне мастер Гай, отправляя в костер скелетик рыбы. Агриппа с отменной сноровкой наловил довольно крупных рыбешек и зажарил их, причем получилось это у него замечательно. – Я знаю, что ты весь извелся и перебрал в голове сотню вариантов. Но уверен: ни один из них не является правильным.

– Мастер, а зачем такая таинственность? – спросил я. – Почему вы сразу мне не сказали, куда и зачем мы едем? Я бы хоть знал, что меня ждет.

– На то есть как минимум пять причин, – показал мне растопыренную пятерню маг. – И ни одну я тебе не назову, просто поверь, что они есть. Да это и не столь важно теперь.

– Ну не скажите, – не согласился с ним я. – Если я не знаю, куда еду, то неплохо бы хоть понимать почему.

– Красиво загнул. – Агриппа похлопал в ладоши. – Мастер, вы сделали из него риторика.

– Полагаю, он сам не понял, что сказал, – усмехнулся маг и указал пальцем на противоположный берег реки. – Там – герцогство Химмельштайн.

– Это я уже понял.

Меня внезапно начало знобить. Меня всегда потряхивает в такие моменты.

– Через два дня мы будем в Кройциге, – продолжил маг. – Это главный город герцогства. Там мы переночуем, а утром обнимемся на прощание и расстанемся на какое-то время. Что будет с нами, тебе знать ни к чему, а вот ты отправишься дальше, и через... Агриппа?

– Часов через двенадцать, не менее, – отозвался здоровяк.

– Через полсуток ты прибудешь в деревеньку с поэтичным названием Кранненхерст. – Я до этого ни разу таким серьезным мастера Гая не видел. – А в паре лиг от нее ты увидишь высокий холм и стоящий на нем замок. Тебе он наверняка покажется большим-пребольшим, на мой взгляд, он так себе. Вот этот замок и есть цель твоего путешествия. К нему ты и отправишься.

– А там что? – уточнил я.

– Там? – Мастер Гай засмеялся, но как-то непривычно – мелко, мелко. – Там – то место, где ты весело и познавательно проведешь как минимум год. Я, по крайней мере, на это надеюсь. Там, мой милый Эраст, будет твой новый дом и название ему – «Воронья гора». Там ты будешь учиться самому сложному делу на этом свете. Там из тебя будут делать

Глава 3

– Кого? – Я не стал пучить глаза или в изумлении открывать рот, как это обычно делают очень удивленные люди. Я просто захихикал. – Мага? Из меня? Ладно бы еще менестреля или там портного. Но мага?

– Магами не рождаются, магами становятся, – как-то даже немного обиженно сказал мастер Гай. – Или ты думаешь, что дар передается от отца к сыну, как лавка скобяных товаров? Нет такого, у нас династийность отсутствует вообще. Все маги стерильны, если ты понимаешь, о чем я говорю.

– Не понимаю, – честно ответил я. – Я этого слова не знаю.

– Если ты маг, то о детях забудь, – пояснил мастер Гай. – Или одно, или другое. Как тебя инициировали, так и все, не размножишься больше.

– Эва как... – Я опустил глаза и уставился на пряжку своего ремня. – Только я это дело распробовал...

– Тьфу, дубина ты эдакая! – Маг глубоко вздохнул, чтобы не заорать на меня в голос. – Не путай стерильность и импотенцию. Работать все будет, но последствий никаких, понятно?

– Теперь понятно, – кивнул я. – Но все равно, какой из меня маг, мастер? Это же какие-то умения специальные нужны, навыки... Не знаю даже... Я не в курсе, как отбирают учеников магов, но мне кажется, что не так просто. Что я, приду в этот замок и скажу: «Я барон фон Рут, я буду тут учиться»?

– Не поверишь, но приблизительно так дело и будет обстоять, – расхохотался мастер Гай. – Придешь, постучишь и скажешь. Ну, еще рекомендательное письмо предъявишь, я тебе его потом дам.

Вот же вредный старикан, выдает информацию по кусочкам. Письмо – это же совсем другое дело, письмо удостоверяет мою личность и подтверждает, что я не шантрапа какая-нибудь самозваная.

– Что до способностей... Маг дремлет в почти каждом человеке, у многих есть скрытые силы, – продолжал тем временем вещать мастер Гай. – Вопрос в том, захочет ли человек сделать самый первый шаг и пробудить в себе дар или предпочтет жить спокойно и безбедно. Ну и еще в том, предоставят ему этот шанс или нет.

– Это вы, мастер, что-то странное говорите, – хмыкнул я. – Магам-то живется куда проще, чем простым людям. И денежки у вас есть, и руку вам любой первым подает, если только вовсе ее не целует. Власть, правда, не везде вас любит, но где она, та власть? В больших городах только. И кто же откажется от такого? Даже при условии этой вашей... стерильности.

– Да все у тебя там нормально будет функционировать, – невесело засмеялся маг. – А отказываются многие, поверь. Впрочем, сам все увидишь следующей весной, перед обрядом инициации, если доживешь до конца первого года обучения. Все, что ты сказал, – верно. Но это – только фасад нашей жизни. Вот когда ты увидишь ее изнанку, тогда ты, может, и изменишь свою точку зрения.

Уж не знаю, какая там изнанка, по моему мнению, магам живется куда как хорошо.

– Что до задатков – у тебя они есть. – Мастер Гай поворошил палкой угли костра. – Из того, что заметил, – отличная ментальная сопротивляемость, это важно при магических

поединках, цепкая память, хорошая реакция. Огонь тебя любит, значит, заклинания из пламенного арсенала легко будешь усваивать.

– Пламенного арсенала? – Теперь у меня был не просто интерес, теперь эта информация была нужна мне для того, чтобы выжить. – А это что? И какие еще есть арсеналы? И вы тогда, в сарае, сказали что-то про пограничный ритуал. В чем отличие ритуала от заклинания? И...

– Тпр-р-р! – замахал руками мастер Гай. – Сразу столько вопросов – это перебор. Давай я лучше сам тебе расскажу о том, что сочту нужным. Тем более про большинство вещей ты так и так услышишь на занятиях, что на это время сейчас тратить?

– Я бы на твоём месте спросил у мастера о другом, – неожиданно сказал Агриппа. – Я бы узнал у него, как именно ты получил рекомендательное письмо и кем оно было написано. И непременно поинтересовался бы, почему какой-то барон из занюханного Лесного края едет через весь континент именно в эту школу магов. Что, поближе не нашлось учебных заведений? Или она чем-то так прославилась?

В этот момент я ощутил себя идиотом. А ведь верно Агриппа подметил. Про пламенные арсеналы всякие меня в этом Вороньем замке спрашивать не будут, а такие вот вполне логичные вопросы зададут непременно.

– Будем последовательны, – мастер Гай снова поворошил угли, – если уж пошел такой разговор. Вообще-то вопрос с письмом и подробности того, зачем ты мне понадобился, я хотел оставить на послезавтра, но почему бы об этом не поговорить сейчас? Тем более здесь нас точно никто не подслушает.

Я насторожился – эта тема интересовала меня куда больше, чем всякие магические штуки-дрюки. От этого зависело мое будущее.

Но, против моих ожиданий, мастер Гай не стал мне немедленно выдавать подробные инструкции или объяснять, как себя вести с незнакомыми мне пока обитателями Вороньей горы. Он начал издали.

Маги, с его слов, были плотью от плоти Рагеллона. То есть, по словам мастера, сначала боги создали землю и воду, потом – человека, а затем, практически сразу же, – первых магов. Я в это не слишком поверил, но головой покивал: мол, понятное дело. Маги – венец мироздания.

Впрочем, мне показалось, что он вообще переоценивает роль магов в существовании нашего мира. Если его послушать, так именно они управляли человечеством на протяжении тысячелетий, маленько ослабив удила только за последние лет триста, по известным обстоятельствам. И королей на троны сажали, и Черного Властелина на заре времен извели, и все блага простым людям тоже они подарили – от зерновых культур до ароматических курений.

Впрочем, если отвести в сторону все эти «мы, маги» и «куда без нас», то он рассказал мне немало интересного.

Слова мастера о том, что каждый может стать магом, были не совсем верны. Количество чародеев, проживающих в Рагеллоне, как выяснилось, ограничено самими богами. Когда-то давно они решили: «Если все магами будут, то какой в этом смысл?» Так что к обучению допускается весьма ограниченное число соискателей чародейского посоха, вот такая штука. Сколько магов покинуло этот свет, столько и прибавится, как-то так. Мало того – даже попав в соответствующее учебное заведение, нельзя быть уверенным в том, что ты уже достиг своей цели. К концу первого года обучения отсеивается едва ли не половина студюзов.

Кто-то отбраковывается в процессе инициации, другие уходят сами еще раньше, поняв, что сели не в свои сани. Кого-то отчисляют из-за неспособности усваивать учебный материал, иные просто гибнут. Да, представьте себе, гибнут. Штука в том, что особой жалостью в магических школах и академиях никто не страдает, и условия обучения там максимально жесткие. Никаких снисхождений – жизнь мага не для тех, кто хочет существовать спокойно. И это все происходит только на первом году обучения. Про последующую учебу мастер Гай ничего не рассказывал, но обмолвился о том, что в его выпуске было всего четыре человека, больше никто до торжественной процедуры вручения посоха не дошел. Не знаю, сколько с ним было народу на старте, но наверняка больше десяти человек. Вот такой компот.

Надо заметить, что абы кто учить магии тоже не может, причем получить право на обучение юной поросли работников посоха очень и очень непросто. В первую очередь, потому, что решение принимают не люди, им подобное не дозволено. Право набрать учеников и сделать из них полноценных магов дают боги. К любому из действующих магов в один прекрасный день может прийти человек в плаще с капюшоном. Открыв футляр, обтянутый красной кожей, он достает из него короткий скипетр с вделанным в навершие драгоценным камнем. Это значит то, что боги выбрали мага наставником молодежи, и теперь он вправе набрать себе учеников. Никто не знает, по каким принципам происходит подобный отбор, почему боги обращают свой взор на тех или иных магов, но дело обстоит именно так. Только так, и никак иначе.

Правда, не всякий чародей пользуется дарованной привилегией, поскольку не каждому она нужна. Ученики – это почетно, удобно и иногда даже прибыльно, но очень хлопотно. Кто-то сразу отказывается от скипетра, и посланец, не говоря ни слова, покидает дом такого чародея, кто-то принимает дар богов, но учеников не набирает. В этом случае скипетр в какой-то момент просто пропадает из дома этого мага, чтобы через какое-то время снова оказаться в руках посланца богов.

Бывает и так, что боги признают свою неправоту, осознав, что не тому доверили молодежь Рагеллона и что этот наставник ничему никого не научит. Или наоборот – научит, да не тому, чему следует, как это случилось две тысячи лет назад. Некий маг Виталий в своей школе подготовил аж дюжину чародеев, ставших его ближайшим окружением и основной военной силой после того, как он провозгласил себя новым Черным Властелином, идейным наследником того, что был в древние времена. Надо заметить, что без подобных сподвижников Виталий вряд ли смог бы завоевать половину континента и довольно долго бороться со всеми магами Рагеллона (что примечательно – боги в эту свару не ввязывались). Кончилось, правда, для него все плохо, это факт. Учеников потихоньку перебили – кого в бою, кому в спину стрелу пустили или сонному по горлу ножом полоснули (маги от подобных вещей мрут точно так же, как и обычные смертные, как я и говорил. От ядов – нет, тут они крепче, чем простые люди, а вот от стали и им не уберечься), а после и его самого захватили, кстати, приблизительно в этих самых местах, недалеко от Западного океана. Захватили и спалили на горе Штауфенгрофф, знаменитой тем, что именно с ее вершины боги некогда обзревали сотворенную ими землю. Горел маг долго, проклял и своих бывших коллег по цеху, и тех, кто его не понял и предал, и даже по богам прошелся мелким гребешком, прекрасно осознавая, что посмертие у него будет такое, что не позавидуешь. Впрочем, насколько я понял, у магов со смертью особые отношения, именно по этой причине чародеи очень не хотят умирать.

Что примечательно – именно после сожжения Виталия маги перестали быть, как выразился мастер Гай, «узкими специалистами». В старые времена чародеи делились на воздушников, огневиков, целителей и много кого еще. Виталий, к слову, был магом смерти, промышлял некромантией и прочими неприятными вещами. Из своих учеников он подготовил отличных специалистов, которые со знанием дела поднимали с кладбищ мертвецов, насылали на своих противников чуму и прочие гадости, кидали налево и направо проклятия. Они вообще оставили след в истории магического Рагеллона, эти двенадцать парней и девушек.

Уже на следующее утро после аутодафе каждый чародей континента с удивлением осознал, что совершенно не помнит какие-то заклинания из тех, которые были в его арсенале, зато у него в голове появились новые, из разных областей познания.

Сначала была жуткая путаница, особенно убивались целители и погодники, потерявшие верный заработок, но сменилось поколение, потом еще одно – и такая универсальность стала нормой вещей. Хотя какие-то рудименты (забавное слово, интересно, что оно означает?) от старых времен остались – одним лучше дается огненная магия, другие успешно борются с болезнями и проклятиями, третьи охотно принимают участие в локальных войнах, орудуя боевыми заклинаниями. Но никто не может похвастаться тем, что в совершенстве изучил ту или иную область магии, это отныне чародеям неподвластно.

И количество наставников уменьшили до пяти как раз после того, как Виталий заявил права на весь континент, до его демарша их было куда больше. Теперь же скипетров всего пять, и школ магии тоже всего пять, не больше. Меньше – бывает, если, например, наставник не оправдал доверия богов или пребывает в раздумьях о том, надо ему это или нет.

– А если скипетр у наставника отобрали посреди учебы? – перебил я мага. – Что тогда с учениками будет?

– Наиболее талантливых разберут другие наставники, а остальным... Им просто не повезло, так и останутся недоучками, – пояснил мне мастер Гай. – Если это случилось на первом году учебы, то вернутся по домам и будут жить, как смогут. А если после инициации, то все не так уж плохо. Базовый набор знаний у этих бедолаг будет неплохой, так что не пропадут. В деревнях осядут или в небольших городках. Посоха им не видать, но патент на целительство или что-то в этом роде получить можно.

– Мастер, вы вот эту инициацию все поминаете, – осторожно спросил я. – Про нее мне рассказать можно или это тайна какая-то?

– Да какая тайна, – засмеялся маг. – Этот обряд каждый из нас прошел, но никто не знает, какова его истинная суть. Мага иницируют не люди, но боги. Если ты доживешь до весны, то в десятый день мая, за час до заката, вас всех выведут в замковый двор для проведения ритуала. Наставник коснется лба каждого из вас тем самым скипетром. Вот тут и выяснится, кому куда. Кто-то еще до заката покинет школу, кто-то станет подмастерьем, а кто-то умрет.

– Прямо – умрет? – шмыгнул носом я.

– Я не слышал, чтобы хоть одна инициация обходилась без этого, – подтвердил мастер Гай. – К примеру, из стартовых шести десятков моего набора в майский день на площадь замка Тиретс вышли тридцать восемь человек. За пиршественный стол после ритуала село двадцать три подмастерья. Ну а сколько нас покинули школу, получив посох, я тебе уже сказал.

– И что, пятнадцать человек погибло? – ужаснулся я.

Да и вообще – из шестидесяти человек осталось четыре.

– Конечно нет, – засмеялся маг. – Умерло только трое, причем двое – сразу, они были первыми, кого коснулся скипетром наставник Кай. Пятеро в самый последний момент, уже выйдя на площадь, решили вовсе не проходить инициацию, а остальных просто не приняли боги, вот и все.

– А как становится понятно, что боги... Мнэ-э-э... – Я не знал, как выразить свою мысль. – Ну, как понять, что тебя иницировали?

Маг расстегнул камзол, распахнул рубашку и ткнул пальцем в искусно выполненную татуировку на груди. Я никогда не видел такой тонкой работы.

– Вот это появилось у меня почти сразу после того, как скипетр прикоснулся к моему лбу. По ощущениям – жутко было до невозможности, а еще – очень больно. Меня как будто молнией прошило с ног до головы. Я так думаю, что у тех, кто умирает, просто сердце не выдерживает, другой причины не вижу. Это как тест на выживание – сдюжишь или нет? Маг должен быть сильным и выносливым, это тяжелая работа. Хотя в школах все на это нацелено. Нас четверо осталось не только потому, что остальные сами ушли или что-то в этом роде. Запомни – там нет друзей, там есть противники и соперники. Кровь двоих из моего потока – на моих руках, я своих сокурсников лично убил. Но если бы я этого не сделал, то они забрали бы мою жизнь. Только запомни: если будет доказано, что ты убил кого-то просто так, без оснований, тебе будет плохо, очень плохо. Так что либо делай это официально, поскольку поединки между студиязусами не запрещены, либо обставь смерть врага как несчастный случай. Или свали на кого-то другого, это тоже допустимо.

– Ишь ты. – Я все разглядывал небольшую круглую татуировку на груди мастера, понимая, что человек такое сделать точно не смог бы – очень уж тонкое плетение узоров. – А причины такой нелюбви друг к другу – они в чем?

– Причин много, но первая из них – знания, – коротко ответил маг. – В какой-то момент наставник отбирает тех, с кем ему работать интереснее, чем с другими, они и получают львиную долю знаний. А остальным – что останется. Стало быть, чем учеников меньше, тем тебе лучше. Вторая причина – личная неприязнь. Маги тоже люди, могут кого-то не любить, с кем-то враждовать, и иногда это ведет к взаимной ненависти. Больше скажу: эта ненависть порой растягивается на века, что очень раздражает. Я вот в свое время одну вздорную девчонку пожалел, не добил – и вот результат, вторую сотню лет она мне пакостит.

Это он, наверное, о той магистresse Эвангелин говорит, которую Агриппа в сарае упоминал. А может, о магистresse Виталии? Разве его поймешь?

– Еще – будущее, – продолжил маг. – Вы ведь не в никуда уходите из школы, на каждого из вас ближе к концу обучения будут поглядывать разные влиятельные особы. Формально мы, маги, при королевских дворах находиться не должны, только иные венценосные персоны давно на этот запрет плюют. Да и богатые торговые дома охотно берут на службу молодых и амбициозных магов. Только вот таких мест всегда меньше, чем желающих туда устроиться. В один прекрасный момент может выясниться, что наниматель просто не знает, на чьей кандидатуре остановиться, – твоей или одного из твоих приятелей. И все – сначала дружба врозь, а потом одного из бывших приятелей закапывают у замковой стены.

Сдается мне, что это он часть своей биографии мне поведал.

– А вот у меня вопрос, – решил я воспользоваться паузой. – Ну, понятно, что до судьбы таких, как я, дела никому нет. А благородные? Вряд ли их родители обрадуются, узнав, что их чадо на тот свет отправилось?

– Всякий родитель, отпуская чадо в подобное учебное заведение, готов к тому, что своего отпрыска, возможно, больше не увидит, – пожал плечами мастер Гай. – Это плата за то, что их ребенок может взлететь очень высоко, она определена богами, а с ними никто спорить не станет. Раз вошло твое чадо в ворота чародейского замка, чтобы постигать магические премудрости, то все, претензии не принимаются. А если ты попробуешь их высказать или чего похуже – готовься, открывай бедам дверь. Пожары, королевская немилость, поветрие – много чего может произойти. И все это знают, а потому наследников в такие места не отправляют. Туда едут третьи сыновья, племянники, дочери-дурнушки, бесприданницы, то есть те, кому ничего особо в этой жизни не перепадет. Иногда их туда даже специально запикивают, чтобы со своих плеч ношу сбросить. Ну, когда ребенок не от мира сего или просто не слишком нужен родителям по каким-то причинам. Жизнь – это штука такая, сложная.

– Ишь ты, – удивился я. – А простолюдины туда как попадают? Как вообще разносится весть о том, что где-то чему-то учат?

– Случайно, – ответил маг. – Весть разносится случайно, но тот, кто должен ее услышать, обязательно услышит. Это невозможно объяснить, просто поверь мне на слово – кто в учебное заведение должен попасть, почти наверняка туда попадет. Конечно, есть какой-то процент неудачи, но мизерный. Вот как с твоим... предшественником. Погиб, бедолага. Но кто знает – может, он как раз погиб потому, что именно ты и должен был попасть в школу. Согласен?

– Все очень непросто, – вздохнул я. – И эти убийства и остальное...

– Много нюансов. Да ты сам скоро все поймешь. – Маг захихикал и застегнул камзол. – И мне очень хочется верить, что ты как минимум дойдешь до инициации. А может, и дальше продвинешься. Ты парень крепкий, на ногах стоять умеешь, удар тоже держишь хорошо, и разумом тебя боги не обделили. У тебя есть все шансы на то, чтобы уцелеть.

– И везучий, – вставил свое слово Агриппа. – Ты должен был сдохнуть либо в том сарае, либо на улицах города, так или иначе. Ты был грязь с мостовой. А судьба дала тебе шанс, который выпадает одному из... Даже не знаю, из скольких. Ты получил возможность изменить свою судьбу, пойми это. Такой подарок очень дорого стоит.

– Да я понимаю, – кивнул я. – Только, мастер... Зачем это все? Для чего вы нашли того барона... Меня то есть. Не просто же так вы это делаете, из каких-то добрых побуждений?

– Конечно, не просто так. – Мастер Гай выпрямился. – Мне нужны глаза и уши в этой школе. Свои, те, которые будут мне преданы до конца и не станут молчать или врать. Ты – это они.

А у меня была такая версия. Угадал я.

– Видишь ли, Эраст... – Маг говорил очень размеренно, явно желая, чтобы я хорошенько усвоил его слова. – Замок на Вороньей горе впервые распахнет свои ворота, чтобы принять студиозусов, и это очень беспокоит меня и кое-кого из моих коллег. Его владелец, твой будущий наставник, – мой старый знакомый, он только этой весной получил скипетр, причем подобного никто не ожидал, поскольку более неподходящую для наставничества кандидатуру надо еще поискать. Его вообще не очень любят в нашей среде за высокомерие, крайнюю жестокость, даже по нашим меркам, и чрезмерную экспансивность. Самое же главное – мы не знаем, чего от него ожидать, поскольку он непредсказуем. Чему он будет учить молодежь? Для чего он принял этот скипетр, ведь раньше он не выказывал желаний наставничать? Не получим ли мы нового Виталия? Ты будешь за ним следить и докладывать

мне обо всем, что узнаешь.

– И барон на это согласился? – удивился я. – Он же из благородных, им наущничать законы чести не позволяют. Мне-то это ничего не стоит сделать. Но тот-то Эраст, который помер, – как он на такое пошел?

– Родился бы ты третьим сыном в семье барона из глубинки – понял бы, – ответил Агриппа вместо мага. – У него перспектив было немного – либо наемником к соседу идти, либо в вольные охотники. Как восемнадцать бы стукнуло, так его из дома пинком бы папенька вышиб. По законам Лесного края...

– Все достается первому сыну, – покивал я. Ай, мне же про это говорили, забыл.

Но я убиваться бы точно на месте этого Эраста не стал. Лучше быть третьим сыном барона в глухомани, чем бездомным воришкой в большом городе. Хоть голодным спать не ляжешь.

– Потому он недолго сомневался, когда я ему предложил эту работу, – вновь перехватил инициативу маг. – Перспектива, вид на жительство в приличном королевстве и хорошее жалованье – чего еще надо юноше из глубинки? А моральные принципы... Кто о них вспомнит, если впереди – большие города, доступные женщины и мешок золота?

– С этого места поподробнее, – оживился я. – Мешок золота?

– Это ему было обещано, – веско сказал мастер Гай. – И он был барон.

– Я – это он, – нагло и громко сказал я, сам себе поражаясь. – Вы сами так говорили.

– У тебя, дружок, свой гонорар. – Маг достал мензурку с разноцветной пылью внутри. – Вот он. Я заплачу тебе твоей жизнью.

Ну да. Барону – золото, а грязи с мостовой – просто жизнь. Все правильно. Все по-честному.

– Не печалься. – Мастер Гай подмигнул мне. – Если все закончится хорошо, внакладе не останешься, обещаю.

– Хорошо бы, если так, – вздохнул я. – Мастер, и еще вопрос. А откуда я узнал, что этот, ну, высокомерный, учеников набирает? Где Лесной край – и где замок на Вороньей горе? И про письмо вы мне так и не рассказали.

– Молодец, – одобрил мой вопрос маг. – Не забыл. Тебе про это все поведал некто Фратин Сивый, маг. Он все время по всяким закоулкам Рагеллона слонялся, искал приключений на свою задницу, так что сомнений это не вызовет никаких. Вот и занесло его в дом твоего папаши, веселого барона Йохима фон Рута. Там он свел знакомство с тобой, ты пришелся ему по душе, увидел он в тебе перспективу. А может, просто пожалел. Потому и написал рекомендательное письмо своему старому приятелю Герхарду Шварцу по прозвищу Ворон, который как раз сообщил ему, что будет набирать учеников. Письмо настоящее, так что ты можешь ничего не опасаться.

– А Фратин? – поинтересовался я. – Который Сивый. Если они приятели с этим самым Герхардом, он же может в его замок притащиться, по старой дружбе. Повидаться там и все такое?

– Не притащится, – заверил меня мастер Гай. – Он умер еще в середине весны. Так сказать, скоропостижно скончался. Маги, увы, тоже смертны. Возраст, знаешь ли. Да и образ жизни он вел очень неправильный.

Ну да, образ жизни. Небось как письмо написал, так и окочурился. Надо думать, вы его и того... То-то вон Агриппа ухмыльнулся.

– Вы мне его хоть опишите, – попросил я мага, и не подумав озвучить свои мысли. –

Должен же я знать, с кем общался. Внешность, привычки... Может, у него какие словечки были, которые он все время употреблял?

– Само собой. – Агриппа подбросил в костер немного хвороста. – Все расскажем, все объясним.

– И вот еще что. – Мастер Гай снова уставился мне в глаза. – Это очень важно, запомни крепко-накрепко. Никогда, ни при каких обстоятельствах не упоминай, что знаком со мной. Вошел в ворота замка – и забыл меня до той поры, пока я тебе сам о себе не напомню.

– Хорошо, – кивнул я. – Понял. А что, этот Герхард вас не любит?

– Скорее, я его, – проворчал маг. – Причем очень давно. Дорогу он мне как-то раз перешел, глиста долговязая. Он про это, может, и забыл уже, а вот я – нет. Впрочем, не я один к нему счет имею.

– Понятно, – усмехнулся я.

– Ничего тебе не понятно, – неожиданно зло сказал мастер Гай. – Личная неприязнь – это одно, а безопасность нашего цеха – совсем другое. Если бы я хотел всего лишь ему насолить, я бы не стал проворачивать подобные комбинации, я бы нашел другие методы и способы. Все, что я сейчас делаю, – это насущная необходимость. Ворон – неконтролируемая личность, он опасен. Никто не хочет повторения событий трехсотлетней давности, никто. Маги, которые учили когда-то меня, эти смелые, умные люди, знающие и умеющие невероятно много, куда больше, чем мы, нынешнее поколение, способные даже остановить ненадолго ход времени, пусть и в ограниченном пространстве, так вот – даже они бледнели, вспоминая те костры. Мальчик, на этих кострах за пару лет сгорело три четверти всех представителей нашей профессии! Три четверти! Безумный Виталий – и тот нам так не насвинячил.

– Да уж, – поддакнул магу Агриппа. – С Ворона станется кашу заварить!

– То-то и оно! – Гай всплеснул руками. – Как ему скипетр наставника дали, я не понимаю? О чем боги думают? А орден Истины только и ждет того, чтобы развязать новую резню, это не секрет. Только теперь они не остановятся до тех пор, пока нас всех не спалят. А проклятый Герх наверняка будет делать из вас не просто магов. Он не станет вам преподавать простые дисциплины, как положено, он уже изобрел что-то эдакое, какую-нибудь новую методику или иную дребедень, которую нормальный маг даже за теорию не примет, поверь мне. Мне ли его не знать!

– Да понял я. – Мне стало не по себе. Вон как мой старичок разошелся, как бы ему карачун не пришел. – Все ясно. Буду следить, если что – доложу. Только вот еще одно. Чего же вы тогда со мной через половину Рагеллона бок о бок ехали? А если ему про это кто расскажет?

Вопрос был не пустячный – мастеру Гаю ничего в этом случае не будет, а вот я запросто могу под раздачу попасть.

– Да не волнуйся ты. – Маг скривился. – Герхард не любитель дальних поездок, соглядатаев же у него нет. Он слишком брезглив и щепетилен в подобных вопросах. Если бы я был уверен в обратном, то тебя бы сейчас сопровождали совсем другие люди.

– Хорошо, коли так. – Я посопел и задал следующий актуальный вопрос: – А как мне вам информацию-то передавать?

– В деревне Кранненхерст есть корчма. – Агриппа посмотрел на разошедшегося мага, который все еще что-то бормотал и махал сухенькими кулачками. – Обычная деревенская забегаловка, без изысков. Корчмаря зовут Йоганн Литке, его ни с кем не спутаешь – рожа

круглая, будто по ней сковородой ударили. Если у тебя будет, что нам сообщить, – шепни ему: мол, барон имеет сказать пару слов Агриппе. Только приватно говори, чтобы не слышал никто.

– И? – поторопил я его.

– На следующий раз, когда туда придешь, он тебе объяснит, что к чему, – пожал плечами Агриппа. – Ну там в каком доме меня найти или еще что. Имей в виду, может быть такое, что он тебе от нас привет передаст и какое-нибудь поручение.

– А оно точно от вас будет? – засомневался я. – Знаю я этих корчмарей, то еще жулье.

– Оно будет не на словах. – Маг вроде успокоился и протянул ко мне руку. – Вот, смотри.

Чего там смотреть? Я этот перстень-печатку давно приметил, даже первые дни против своей воли прикидывал, как бы такую красоту умыкнуть.

– Пергамент с посланием тебе будет запечатан сургучом, – пояснил мастер Гай. – На нем непременно должен быть оттиск этого перстня.

– Так надежней, – признал я. – Просто не верю я корчмарям...

– И правильно делаешь, – одобрил Агриппа. – Сволочи они, через одного. А те, что не сволочи, еще хуже.

– Слушайте, – подавил зевок я. – А кто меня вообще в корчму отпустит, а? Я же вроде как студиязус буду.

– Воскресный день – твое свободное время. – Маг хихикнул, видно, что-то вспомнив. – В воскресенье всех отпускать на волю будут, кто захочет, понятное дело. Да и не станет вас Ворон в замке держать, я в этом уверен. Набегаешься ты там по окрестным деревням, чую, по полной. Как бы ноги тебе до колен не стоптать.

– Оно и хорошо, – обрадовался я и снова зевнул. – Не люблю в четырех стенах сидеть.

– Спать давайте, – сказал маг. – Скоро светать уже будет, а мы не отдохнули совсем.

Оставшиеся два дня пролетели незаметно – сказалось и ожидание того, что скоро мне предстоит отправиться в школу магии (это одновременно и пугало и притягивало), и то, что мастер Гай с истории мира перешел к рассказам об истории магии. Он сразу обозначил, что лишнего я не узнаю: мол, ненужные знания вредны. Но все равно поведал массу интереснейших вещей.

Кстати, пограничным ритуалом оказалась волшба на стыке двух или трех видов разной магии. В моем случае это была магия жизни, магия смерти и магия огня. Не знаю, насколько трудно провести этот ритуал, но звучит очень внушительно. И мрачно. Не очень приятно знать, что в отношении тебя использовалась магия смерти, согласитесь?

А через два дня я расстался со своими спутниками. Я полагал, что это будет трогательно или хотя бы немного по-семейному – все-таки целое лето, почитай, бок о бок спали – но нет. Зря я на это надеялся.

Хотя Агриппа-то как раз дал мне что-то вроде напутственного совета.

– Запомни, приятель, – сказал он мне на прощание. – Если влез в драку, не жалея себя, но самое главное – не щади врага. Бьешь кулаком – бей так, чтобы противник уже не встал. Достал шпагу – наноси удары так, чтобы убить. Не ранить, не обезвредить, а именно убить. По-другому – никак. Иначе все, кто это видел или об этом слышал, будут считать тебя мягким и добрым человеком. А мягких и добрых рано или поздно прогибают под себя. Ты же не хочешь всю жизнь стоять на четвереньках?

И подарил мне свою дагу, в сотый раз напомнив, что в поединке не следует использовать ее только для защиты, напротив – на короткой дистанции ей надо орудовать непременно и наносить не один удар, а как можно больше, чтобы обескровить противника.

А дага у него была с секретом – при нажатии на неприметную кнопочку от основного лезвия отходило еще два, в разные стороны. Он не раз мне показывал во время учебных поединков, как ею клинок ломать можно, даже самый лучший. Хорошая штука!

Моя старая дага отправилась в сумку, став запасной. Всяко пригодится.

Но вот мастер Гай...

Нет, чтобы сказать что-то вроде:

– Сынок, я верю в тебя.

Или там:

– Удачи вам, барон!

Нет.

Старый хрыч вынул треклятую мензурку, потряс ею в воздухе и произнес:

– Помни, парень: твоя жизнь – в моих руках, и если что-то пойдет не так, ты позавидуешь тому, чье место занял. Ему-то просто требуху выпустили, и он быстро покинул этот свет, а ты умирать будешь долго и мучительно.

– Спасибо за напутствие, мастер, – поклонился я ему.

А что тут еще скажешь? Кланяться я не люблю, но очень не хотелось, чтобы он мой взгляд заметил, ни к чему это.

Я не упоминал о том, что злопамятен? Нет? Странно.

Оставшуюся часть пути я размышлял не столько о том, что меня ждет в ближайшем будущем, сколько о том, как сквитаюсь со зловредным старикашкой после того, как он отдаст мне мою судьбу обратно в руки.

Например, можно сдать его ордену Истины. Самому что-нибудь эдакое сотворить, подбросить его вещичку на место преступления и донос написать, в котором будет черным по белому указано, кто именно – виновник данного происшествия. А что? Такие вещи срабатывают на раз, маг мне сам об этом рассказывал. Мастер Гай вообще за оставшиеся два дня преподавал мне неплохой курс выживания в коллективе тех, кто хочет стать магами. Как видно, личный опыт в этой сфере у него будь здоров какой. И, доложу я вам, бандиты из моего Портового квартала по сравнению с магами – дети.

И если моя месть получится, то я непременно весело попляшу у костерка, который

со знанием дела запалят ребята в черных рясах.

Или можно ему чего-нибудь эдакого в еду подсыпать. Но тут есть недостаток – яд должен быть быстродействующий и очень-очень мощный, чтобы сразу взял. Как я уже говорил, маги к ядам очень устойчивы, а мне надо, чтобы он, до того как помрет, меня прибить не успел. То есть удовольствия я не получу, а это не есть хорошо. Вообще этот вариант имеет целых два недостатка – травить надо не только его, но и Агриппу. Он магу предан всей душой, на удивление. Я-то сначала думал, что тот его нанял, но нет – здоровяк служил ему по доброй воле и совершенно безвозмездно. Агриппу я убивать не хотел, он хоть был груб и жесток, но дядька все-таки хороший.

И еще в этих планах было два серьезных «если».

Первое – все это будет возможно, если я доживу до того дня, когда смогу отомстить вредному магу за себя.

Второе – если он вообще собирается сдержать свое слово, а в этом я был совсем не уверен. Этот старый хрыч очень хитер и очень осторожен. И, насколько я понял, свидетелей своих дел он не оставляет, невзирая на то, кем они являются. Того-то мага, по имени Сивый, он наверняка порешил. А ведь в их цехе, похоже, все представители старшего поколения друг друга хорошо знают. Если он давнишнего приятеля вот так просто в расход пустил, то что говорить о безродном мальчишке с улицы? Пусть даже он формально сейчас и барон.

Но, несмотря на все эти невеселые расклады, представленные мной картины, в которых Гай Петрониус Туллий то, потрескивая, сторал, то пускал пену изо рта и дергал конечностями, здорово подняли мне настроение.

А что? Я пока жив-здоров, и у меня все еще есть шансы на то, что удастся выбраться из этой переделки. Агриппа был прав – на тех же улицах Портового квартала шансов у меня было, пожалуй, даже меньше, чем сейчас. Из тех, с кем я дружил еще год назад, уже семеро ушли к богам – от болезней и побоев. Кто знает, что случилось бы со мной?

Кстати, вот еще вариант. Можно выучиться на мага, получить посох и найти способ обхода ритуала, который провел мастер Гай. Хотя этот путь, пожалуй, самый маловероятный. Долго это, да и потом, я про себя все знаю. Из меня маг – как из вороны чайка.

Вот так, за размышлениями, я и доехал до деревеньки Кранненхерст – об этом меня уведомил полусгнивший путевой столб.

Деревенька была почти такой же, как и все остальные населенные пункты в этих краях, – небольшая, домов в пятьдесят, как мне поначалу показалось, с обещанной корчмой, покосившимся храмом всех богов, колодцем на центральной площади и висельником на дубе при въезде.

Надо думать, или гусекрад, или конокрад. Этих ребят селяне не любили особенно сильно и не ограничивались просто побоями. Даже душегуба могли пожалеть, но тех, кто ворует домашнюю живность, – никогда. Таких сначала всем обществом пинали, а после вешали на дубе у дороги, чтобы соратники знали – местные жители на расправу коротки.

И висели эти трупы до тех пор, пока совсем все не провоняют или пока тело с веревки не сорвется.

Хотя некоторые отличия от деревенок, которые я проезжал по дороге сюда, все же имелись.

Как видно, раньше Кранненхерст был достаточно людным местом – вон храм повыше, чем всегда, да и выглядит побогаче: на крыше поблескивают остатки позолоты. Опять же

изгородь вокруг поселения есть, плетеная, в деревеньках попроще никаких изгородей вовсе не было. Да и домов тут не полсотни, а побольше, ошибся я.

Только вот обветшавшее все здесь какое-то. Похоже, был Кранненхерст людным местом, да весь вышел. Некоторые дома, те, что подальше от центра деревни, явно нежилые, даже отсюда заметно, что крыши давно никто не латал. Да и храм весь покосился, а значит, некому им заняться.

Улицы были пустынные. Как видно, все жители трудились в поле. Или где там проводит время деревенский люд? Я в сельской местности сроду не бывал до этого лета. По идее конец августа, у них, наверное, этот, как его... покос.

Хотя нет, вон пацанва у колодца в ножички играет. Очень кстати.

– Эй, мелкота, – остановил я коня около мальчишек. – Где тут замок? Он вроде на горе стоит.

– Ты слепой? – без всякого почтения спросил у меня один из них. – Или тупой? Вон холм, вон замок. Мы его, правда, чертогом называем.

И вправду, я ослеп, что ли? Милях в двух от деревни высился холм, поросший высоченными елями, а на его вершине стоял... Ну, замком я бы это не назвал, да и чертогом – тоже. Я знаю, что такое чертоги, не в деревне рос. Но это была и не усадьба, коих я без счета насмотрелся по дороге. Нет, названия я этому не подберу. А, шут с ним, пусть будет замок.

Да и то – три этажа, по размеру – будь здоров какое здание, там много народу поместится. И стены – серьезные такие. Не городские крепостные, но серьезные. Там осаду можно выдержать, наверное. Мне Агриппа рассказывал, как в старые времена города на меч брали, в таких вопросах я уже разбирался. Барон может не уметь читать, но в военном деле он хоть что-то соображать должен.

– Дядь, дай шпагу поделжать, – подошел ко мне беспшанный карапуз лет пяти. – Ну дай, жалко, что ли?

О, «дядь». Приятно, демоны забираю мою душу. Какие-то три месяца назад я был «эй, щегол», а сейчас – «дядь».

Все-таки что с человеком делают горячая вода, образование и приличная одежда, а? Может, не травить все-таки мастера Гая? Он хоть и сволочь, но в люди меня вывел, пусть даже в личных корыстных целях и ненадолго.

– Мал еще, – важно сообщил карапузу я. – Подрасти сперва.

Ну да, мне так же парни из «капелл» отвечали, когда я у них нож просил подержать или кистень посмотреть.

– А денежку дать? – возмутился тот шкет, который мне показал дорогу. – За совет?

– Какой? – удивился я. – И потом, за спрос денег не берут.

– Вот ты скобарь, хоть и благородный – презрительно бросил мне пацан. – Вчера тут девка проезжала, тоже Вороний замок искала, так она только за то, что я пальцем ей дорогу показал, мне серебрушку дала.

– Девка? – заинтересовался я. – А вообще – много народу туда едет?

Мальчишка потер одним пальцем правой руки о другой и усмехнулся, давая понять: будет денежка – будет и разговор.

– Негостеприимные вы, – попенял я ему. – И это ты еще меня скобарем назвал?

Я натянул поводья, и мой вороной неспешно потрусил в сторону холма.

Деньги у меня были – на прощание мастер Гай выдал мне кошелек, туго набитый серебряными монетами вперемешку с золотыми, предупредив, что это на весь год, так что

лучше не шиковать. Все содержимое кожаного мешочка было айронтской чеканки, которая ценилась в Рагеллоне выше других. Династия Линдусов очень серьезно подходила к денежному вопросу, а потому в их серебре и золоте примесей других металлов практически не было. Такое считалось редкостью – дорогие металлы на то и дорогие, чтобы их беречь, а потому большинство монетных дворов (у каждого королевства была своя денежная система и своя монета) жило по принципу экономии. К примеру, за два с половиной серебряка, отчеканенных на монетном дворе моего родного королевства, я получил бы всего один айронтский, а то и меньше. Про герцогские же поделки можно было вообще не говорить, по мне, так это вообще не очень-то и деньги. То есть на ту сумму, что дал мне маг, в этих местах можно года три-четыре существовать безбедно, и это если шиковать. А если нет, то лет десять. Просто у нас с чародеем критерии красивой жизни разные и запросы – тоже.

Но ребятне я бы все равно ничего не дал. Дело не в жадности, просто денежка счет любит. Хотя и в жадности – тоже. Мне эти деньги не с неба упали, в каком-то смысле, и кто знает, что будет дальше? Может, этот Герхард скажет, что мы ему за питание и обучение каждый месяц платить должны. Так что подальше положишь – поближе возьмешь.

За деревней начинались поля, затем сменившиеся лесом. Теперь я ехал по узкой лесной тропе, которая вела на холм – довольно высокий, если смотреть вблизи.

Не знаю, почему гору (или, как оказалось, холм) называли Вороньей – как раз этих птиц я тут не увидел. Сорок – да, этих много летало, а ворон не было. Может, по имени владельца?

Тропа огибала холм, а потому я разглядел свое возможное обиталище на ближайший год со всех сторон.

Теперь я был согласен с тем, кто назвал это строение именно замком. Я увидел и подвесной мост, который говорил о наличии рва, и несколько башенок на крепостной стене, и боевые ходы, расположенные на ней же (Агриппа всегда был очень внимателен к деталям, когда о чем-нибудь рассказывал). Правда, строение внутри стены не слишком напоминало донжон. Окажусь в замке, осмотрю все более тщательно. Тогда будет понятно, насколько мои предположения верны.

Ворота (более чем впечатляющие, окованные сталью и с длинными острыми стальными шипами) укрепили мое предположение в том, что либо мой будущий наставник кого-то опасается, либо это вообще не он этот замок строил, а просто его по какой-то причине занял. Может, убил предыдущего владельца, а может, купил у него все имущество – от рва до кухонных столов. Такое бывает, от суммы и тюрьмы, как говорится... Почему я так подумал? Мастер Гай говорил мне, что маги не создают мир, а прогибают его под себя, проще говоря, они не строят и не создают, а просто пользуются тем, что сделали другие. Другая у них миссия под этим небом, их дело – людям свет знаний нести.

В ворота я стучаться не стал, заметив невзрачную калиточку справа. Надо думать, именно ею и пользуются местные обитатели. Да и в то, что ради меня такую махину распахивать будут, мне не сильно верилось.

Я несколько раз ударил кольцом, которое было продето в искусно сделанную медную рожу какой-то неведомой твари, о специально приделанный к двери медный лист. Звук вышел противный, но зато громкий.

– Кто? – поинтересовался глухой голос буквально через минуту, правда – через дверь, не спеша открывать.

– Мне бы увидеть Герхарда Шварца, мага, – тут же сообщил я.

– Вот прямо его самого? – с сомнением спросил мой собеседник. – Лично?

– Нет, ну что вы! – не выдержал я. – Могу побеседовать с его любимым псом или там с лошастью.

– Собаки не говорят, – убежденно прозвучало из-за двери, при этом – без малейших признаков издевки. – И лошади – тоже. Они не владеют даром человеческой речи.

– Да ладно? – У меня начало возникать ощущение, что я беседую с идиотом. Впрочем, так оно могло и быть. – Никогда бы не подумал.

– Да-да, это так.

Неожиданно брякнули запоры – один, второй... Ого – даже третий! Калитка отворилась, и какое-то скукоженное существо в камзоле до пят и с висящей на поясе связкой ключей уставилось на меня.

– Буду знать, – сказал я, оглядывая странное создание. – Ну, если с собакой и лошастью мне не доведется пообщаться, то тогда проводите меня к господину магу. Или поручите тому, кто сможет это сделать. Вы ведь местный... Мнэ-э-э... привратник?

Существо в камзоле улыбнулось, показав мне кривые желтые зубы, и покивало, подтверждая мои предположения.

Н-да, хорош привратник. Если бы я вот такое чудо встретил в нашем квартале ночью, точно бы сбежал, плюнув на то, что это против правил улицы. Интересно, какой же из богов невзлюбил этого человека, что так его изуродовал?

Горбатый, с перекошенным ртом, с налево скособоченным носом. Жуть какая. Да еще и диким волосом весь зарос, как не знаю кто. Щетина торчала из носа, из подбородка, из ушей. Брр...

– Я извиняюсь, милсдарь, – захлопал глазами привратник. – У вас какое дело к мастеру Шварцу?

– Личное, – коротко поведал страшили я.

– Ага. – Тот потер руки, и я заметил, что пальцы у него очень длинные и очень тонкие. – Уж не в ученики ли вы к нему наниматься прибыли?

– Именно так, – подтвердил я – Так что, я проеду? Время идет, дело к вечеру.

– Одну секунду – замахал руками привратник, загоразивая проход – Перед тем как вы въедете во двор, я должен кое-что вам сказать.

– Вы – мне? – удивился я.

Агриппа на пару с мастером Гаем всю дорогу вдальбливали мне, что знать, какая бы она ни была – приближенная к королевскому двору и с кровью правителей в жилах или, наоборот, – мелкопоместная, затрапезная, приехавшая из самых глухих уголков континента, признает за равных только подобных себе, причем даже в этом случае все очень сильно непросто, в этом вопросе существует масса нюансов.

Скажем, маркграф из Центральных королевств не будет разговаривать запанибрата с каким-нибудь баронишкой, проживающим в Лесном крае. То есть разговаривать будет, но не совсем как с ровней. Да, и тот и другой – благородные, но различие между ними все же есть. Например, для герцога заштатного Химмельстайна я, Эраст фон Рут недостаточно знатен. Точнее, недостаточно знатен для того, чтобы похлопать меня по плечу и сказать что-то вроде: «Присоединяйтесь к нам, барон», поскольку я третий сын и это определяет мой статус. Но при этом к трапезе меня допустят, хотя посадят на краю стола. А вот папаша мой, старый Йохим фон Рут, возможно, сидел бы рядом с герцогом, рассказывая ему о том, что творится в мире и что он видел по дороге в герцогский замок. Есть четкая сословная

шкала, и она определяет твоё местоположение в окружающем мире, в глазах подобных себе и за столом.

Но это речь о благородных. Со всеми остальными (а конкретно – с простолюдинами) знать общается либо снисходительно, как с детьми, либо повелительно, либо вообще не общается, сбивая их лошадьми. Других вариантов нет. Хотя особо дерзких можно собаками затравить, особенно если на своих землях это сделать.

Надо заметить, что мастер Гай не просто так преподавал мне эту науку. Как он сказал, подобное в школе будет нормой поначалу, а Герхард непременно примется эту дурь из нас вышибать. Так что я обязан соответствовать, чтобы фальши не было.

– Вот как-то даже не хочется тебя учить... – Я положил руку на эфес шпаги. – Не я же твой хозяин... Скотинка ты серенькая, ты кому что-то сказать хочешь? Ты, невесть кто волосатое, – мне, барону Эрасту фон Руту, за спиной которого шестнадцать поколений родовитых предков?

– Ну да, – подтвердил, похоже, совершенно не обидевшийся на меня привратник. – Мастер, он как велел: «Если кто на учебу приедет, так это скажи до того, как человек порог пересечет». А про то, кто именно приедет – барон там или крестьянин, он не говорил. Потому я всем его слова передаю, как велено, – и тем, кто на лошадях приехал, и тем, кто пешком пришел, и благородным, и всем остальным. Всем.

По идее барон фон Рут должен был оторопеть. Стало быть, оторопею и я, послушаю, что мне поведают. Опять же интересно послушать, что такое мастер Шварц велел передать всем тем, кто ищет знаний в его доме.

– Говори, – милостиво кивнул я чудиле. – Шут с тобой.

– Стало быть, – приосанился привратник, с видимым удовольствием побренчал ключами, висящими на поясе, и, явно кому-то (понятно, кому) подражая, изрек: – Если ты пришел сюда, чтобы изменить свою судьбу и стать магом, добро пожаловать,ходи. Но помни: до того, как ты увидишь меня, магистра магии Герхарда Шварца, и поговоришь со мной, ты не должен покидать мой дом. Если же эти слова не достигли твоего разума и ты решил уйти, чтобы вернуться позже, то знай: возврата под эту крышу для тебя отныне и навеки нет. Подумай, ты, тот, кто пришел сюда: надо ли тебе входить под сень Вороньего замка? Все.

Привратник почему-то смутился и зашаркал ногой по брусчатке, а потом застенчиво произнес:

– «Все» – это я от себя добавил. Но оно тут прямо нужно, согласитесь, милсдарь?

– Да, без него никак, – признал я, пытаюсь переварить то, что услышал.

А ведь слова неспроста сказаны, есть в них какой-то подвох. Герхард что-то хотел донести до тех, кто к нему пришел, это начало того, что мастер Гай назвал «отсевом», он об этом меня предупреждал. Это загадка какая-то. Только вот какая у нее отгадка? Логик-то (про эту умную науку мне мастер Гай долго рассказывал) здесь нет. Помпезности – хоть отбавляй, а логики – нет.

Если не входить, то я не увижу мага, не отдам ему письмо, не попаду в ученики и скоро сдохну. Если войти, то до того, как я его увижу, не смогу покидать замок. Этот вариант мне кажется более щадящим, чем первый.

Ладно.

– Скажу тебе так, приятель... – Я улыбнулся чудиле, который все еще смущенно кхекал в кулак. – Это твоё «все» – оно всей предыдущей речи стоит, серьезно. Только ты не говори

мас... магистру Герхарду, что я так сказал, не надо. Он еще обидится, пожалуй.

– Не скажу, – пообещал привратник и изобразил пантомиму, как он запирает рот, а потом выбрасывает ключ.

– А что, много народу после этой речи въезжало? – как бы между прочим спросил я. – И выезжало.

– Это я не могу сказать, – развел руками привратник. – Нельзя.

– Как тебя зовут, дружище? – сердечно поинтересовался я у него, окончательно убедившись, что тут дело нечисто.

– Тюба, – ощерился тот. – Такое вот имя – Тюба.

Да, имя еще то. Похоже, на небесах кто-то крепко осерчал и на привратника лично, и на его род в целом.

– «Нельзя», как и «никогда», – это очень жесткие слова, – наклонился я к Тюбе. – И их иногда можно... смягчить. Скажи, вот эта монета не заменит конкретно для меня слово «нельзя» на словосочетание «только для вас – можно»?

И я скрепя сердце дал ему серебряшку.

– Как вы красиво говорите, – сообщил мне Тюба, куснув денежку, а после убрав ее в карман. – Только больно заковыристо – я так ничего и не понял. И ничего я вам не скажу. Нельзя, понимаете? Мне после того как я студиозусам будущим слова магистра Герхарда передам, нельзя отвечать ни на какие их вопросы, кроме одного.

– Какого? – немедленно спросил у него я.

– А это вы сами угадайте, что спросить, – осклабился привратник. – Он, магистр, так и сказал: «Пусть спрашивают, но один человек может задать не более трех вопросов. Если среди вопросов будет тот, ответ на который ты знаешь, ответь тому, кто сумел уловить главное. На остальные ничего не говори, после третьего вопроса и вовсе молчи, а вопрошающий пусть думает, куда ему направиться, – туда или сюда. Но не больше трех минут. Если после этого он так и не примет решение, запирай калитку и не пускай его больше». Ну, милсдарь, спрашивать будете?

Если честно, эта беседа меня начала утомлять. И еще я понял: этот Герхард – ну очень непростой человек. Такого накрутить! Даже не при приеме на учебу, а при въезде в замок. Это надо очень не любить людей. Или очень крепко пить. Мастер-вор Гриммо Старый, который работал иногда с моим наставником Джоком, иногда уходил в запой. Так вот на вторую неделю он нам начинал истории рассказывать. Поначалу все ничего было – просто и понятно, даже интересно. Но вот к концу третьей недели, по мере того как он доходил до состояния совершенного одичания, какой-либо смысл в его байках поймать было уже сложно. А жаль – истории иногда встречались крайне интересные. Одну помню, про мага, который своего дружка решил освободить и для этого весь мир набекрень поставил, в компании таких же оторв, как и он сам. Освободил – и они потом вместе править начали то ли империей, то ли еще чем... На этом бы Гриммо и выйти из запоя, но нет. И вот он потом накрутил какой-то канители про их учеников, которым числа не было, да еще каких-то мутных людей приплел.

Вот и этот Герхард из таких же, похоже. Сам небось не знает, чего хочет.

– Ну? – поторопил меня Тюба. – Чего?

У меня было десятка два вопросов, которые можно было бы задать, но тут мне пришла в голову такая мысль: «А не надумал ли этот Герхард таким образом поглядеть, кто из прибывших башковитее, а кто – дурнее?» Сейчас я спрошу глупость какую-нибудь,

а он потом и скажет:

– Вот идиот какой. Даже вопрос задать по-людски не смог.

И все. И выгонит.

Да и выбора у меня нет, в отличие от остальных. Они могут ехать, могут не ехать, а я должен войти в замок. Так что...

– Давай, освободи проезд, – приказал я Тюбе. – Не буду я ничего спрашивать.

– Как скажете, милсдарь, – посторонился тот, и я оказался под сводами Вороньего замка.

От ворот к внутреннему двору вел длинный и темный проход, выехав из которого, я увидел картину, которая изумила меня до глубины души.

На очень и очень большом внутреннем дворе расположилось человек пятьдесят. Это были юноши и девушки примерно моих лет, они сидели на брусчатке группками и поодиночке. Кто-то дремал, кто-то общался друг с другом, кто-то читал, но при этом большинство из них выглядели какими-то... Неухоженными, что ли? Одежда, у некоторых достаточно дорогая, была мятая, лица у большинства были осунувшимися, а прически отдельных девушек больше напоминали вороны гнезда.

Следует отметить, что мое появление не прошло незамеченным. Народ устался на меня, прекратив свои занятия. Как видно, все услышали цокот подков моего коня.

– Это у вас чего тут такое? – спросил я у Тюбы, идущего следом за мной. – Комедианты в замок приехали?

– В каком-то смысле ты прав, приятель, – вместо привратника подал голос один из парней, сидящий на ступеньке лестницы. – Так оно и есть. Скажу тебе вот что: наша дружная труппа только что пополнилась еще одним участником. Догадываешься, о ком я веду речь?

Ай-ай, догадываюсь.

– Да погоди ты, Фрай, – остановила его рыжеволосая девушка, сидящая около фонтана, в котором не было воды. – Скажите: вы какие вопросы задавали Тюбе?

– Миралинда, боги! – вздохнула ее соседка, отличающаяся невероятной красотой. Я подобной девушки и не видел никогда. – Мы уже здесь, и это факт. Изменить ничего нельзя, так чего ради ты хочешь знать правильный вопрос? В чем смысл?

– Знания не бывают «ради смысла», – запальчиво сообщила ей рыженькая. – Они либо есть, либо их нет. И твой подход к получению знаний в данном месте мне непонятен. Мы здесь все для того, чтобы учиться, а не...

– Снова-здорово, – сказал кто-то из тех, кто сидел у стены, и его поддержал с десятков голосов дружным: «Все ей нейметса». – Рыжая, если магистр тебя слышит, то он тебе еще дней пять назад засчитал твои пламенные речи! Новенький, пожрать чего есть?

– Нету. – Я спрыгнул с коня. – Я думал...

– ...что здесь покормят, – закончил за меня высокий юноша в дорогом колете^[4] и с очень недешевой, судя по отделке, шпагой на боку, легко вставая на ноги. – Увы, мой друг, тут не кормят.

– Тут дадут, во что кладут. – А этот тип, что устроился под деревом, явно простолюдин. Не бывает таких конопатых лиц у благородных. – А ты не врешь?

– Возьми и проверь. – Я положил руку на эфес и нехорошо посмотрел на веснушчатого. – Если сможешь.

– Не шуми, – попросил меня владелец дорогого колета. – Некоторые наши однокашники

спят, не будем их будить. Итак, добро пожаловать в Вороний замок, точнее – в его двор. Ты у нас тут уже сорок девятый, так что скучно тебе не будет.

– А... – Я потихоньку начал понимать, что к чему, и почему-то мне захотелось засмеяться.

– Если ты про то, что тебе надо повидать мастера Герхарда и передать ему рекомендательное письмо, – так нам всем надо бы это сделать, – улыбнулся юноша. – Но никто из нас пока этого не достиг.

– Мне не надо, – возразил веснушчатый. – У меня писем нет. И у Магдалены – тоже.

Девушка, у которой в руках была потрепанная книга, кивнула, не отрывая глаз от страниц.

– Это так, – подтвердил юноша в колете. – Не все с письмами пришли. Но им тоже нужен мастер Герхард Шварц.

– То есть войти сюда можно, – пробормотал я. – А выйти до того, как повидашь Герхарда...

– Именно, – подала голос красotka, откидывая волосы назад. – Вот мы тут все и сидим. Ждем.

– Не все, – послышалось от стены. – Трое свалили уже. Им надоело слушать, как желудок урчит, не смогли без харчей сидеть.

– С этим плохо, – подтвердил юноша. – Воды – вон, целая бочка. А вот с едой... В день Тюба выдает каждому один кусок черствого хлеба утром и один вечером. И все.

Вот пролоты. Два куска хлеба в день? Да вы красиво живете! Я, бывало, о таком и мечтать не смел.

Хотя если привык есть от пуза, то на два куска хлеба в день переходить трудно, это правда.

– Барон Эраст фон Рут, – протянул я ему руку. – Я не представился.

– Баро-о-он! – протянул конопатый. – Кассандра, смотри – теперь у нас и барон есть.

– Да и боги с ним, – отозвалась девица с всклокоченными волосами и в пестром платье, даже не взглянув на меня. Она была занята серьезным делом. Она метала кинжал в крышку от бочки. Хорошо метала, к слову, умело.

– Граф Аллан Орибье, из Фрайтинга, – пожал мою руку юноша. – Рад знакомству. Ты, я так понимаю, из Лесного края?

Вот ведь как – он вельможа, проживающий в столице одного из крупнейших королевств Рагеллона, да еще и титул вон какой, а я – барончик из Лесного края. Но спеси в его голосе я не слышу. Может, с голодухи она пропала?

– Именно, – подтвердил я.

– Не обращай внимания на «ты», – учтиво объяснил он. – Здесь это наиболее разумная форма обращения. Да и в целом тут сословные традиции не к месту, поверь. Все мы тут на одних камнях сидим, чего уж.

И, к моему немалому удивлению, почти все, кто слушал нашу беседу, закивали, кроме парочки парней, которые вообще сидели наособицу. Им, как видно, подобное было не сильно по душе.

И зря. Смысл гонориться, если все в одной лодке сидят? Видимо, это и есть то «выбивание», о котором мне мастер Гай говорил, точнее, одна из его разновидностей.

За последующие десять минут Аллан окончательно разъяснил мне смысл происходящего, хотя основное я понял сам. Это и впрямь была ловушка – простая и изящная.

Как это ни печально, но ответа на главный вопрос – когда, собственно, появится магистр Герхард – никто не знал, более того – никто пока не видел ни одного из жителей замка, кроме Тюбы и еще какого-то типа, хотя несколько человек, включая косматую простолюдинку Кассандру, куковали здесь уже три недели, придя сильно загодя.

Моего коня, пока я общался с графом Орибье, Тюба куда-то увел, свалив седельные сумки прямо на брусчатку.

– Не волнуйся, – успокоила меня рыжеволосая Миралинда. – Он его на конюшню отвел, о нем там позаботятся. Так он мне сказал, когда мою лошадку забрал.

– Это он специально, – раздался веселый голос от стены. – Боится, что мы коня того... Сожрем.

– Мы можем, – подтвердил Аллан. – И поверь, Эраст, через неделю ты тоже начнешь думать так.

– Как назло, пропустил сегодня завтрак, – решил не лезть в бутылку я. – Так что с недель ты погорячился. Я уже так думаю.

Над площадью метнулся хохот.

Раз смеются, значит, не все так плохо. Будем ждать. Время у меня есть.

Через день площадь для меня стала как родной, поскольку я перезнакомился почти со всеми ее обитателями, через три я уже был здесь своим, а через пять встречал новичков, которые въезжали в ворота замка, как когда-то и я сам, уже с ухмылкой ветерана.

Народ прибывал, причем активно. К концу моей первой недели, проведенной под открытым небом, наша компания насчитывала уже почти семьдесят человек.

Могло бы быть и больше, но как раз на пятый день поутру двор покинули сразу четверо соискателей знаний, на прощание плюнув в сторону массивной двери, ведущей во внутренние помещения замка, а также пожелав магистру Герхарду поскорее сдохнуть от горячки мозга.

Вечером того дня мы сидели под звездами и представляли, что именно сейчас эти четверо едят в корчме Кранненхерста.

– Гуся, поди, харчат, – причмокивал конопатый простолюдин, носящий имя Орвен. – С яблоками. Со шкварками. И еще с подливкой.

– Никакого полета фантазии, – подал голос кто-то с дальнего конца площади. – Дальше гуся и пива она не простирается.

– Точно, – огорчился Орвен. – Про пиво-то я и забыл!

– А я бы кабана заказал, – мечтательно произнес Фрай. – У батюшки в замке очень хорошо кабана готовили – со специями из Семи Халифатов и с медом. Ох, он и вкусен был! Корочка хрустящая, мясо сочное... И с терпким ватианским вином его, стало быть. Они очень хорошо сочетаются – кабанятина и старое ватианское.

– Думаю, что такими темпами мы вскорости до каннибализма дойдем, – заметила Миралинда. – Мне это не очень нравится.

– Само собой, ты из нас самая пухленькая, – одновременно сказала несколько человек, и это вызвало дружный смех.

Точнее, вторая часть предложения прозвучала у каждого по-своему – кто-то сказал: «Аппетитная», кто-то: «Упитанная», а невоспитанная Кассандра и вовсе употребила слово «жирная», но смысл был именно таков.

Кассандра эта была вообще девицей очень и очень странной, если не сказать – дикой. Вечно какая-то растрепанная, острая на язык и очень непосредственная в поступках. Она мне приятно напоминала моих знакомиц по кварталу Шестнадцати висельников.

Но, в отличие от них, у этой девушки были еще и принципы. Когда дважды в день, утром и вечером, высокий и худой как скелет обитатель замка (собственно, мы из местных жителей только двоих и видели за все это время – придурковатого Тюбу и этого дядьку) выносил корыто с кусками хлеба, то только три человека не бросались к нему и не выстраивались в очередь за вожаделенной едой – она, Аллан и еще одна девушка по имени Гелла. И у Кассандры на губах всегда была чуть презрительная улыбка, когда она смотрела на то, как ее будущие однокашники спешат получить свою порцию.

Кстати, с ней все было понятно, Кассандра получала удовольствие от того, что дети знати теперь живут так, как всю жизнь жила она. С Алланом тоже вопросов не возникало, он вообще отличался от нас всех (Миралинда, которая все и про всех знала, по секрету шепнула мне, что, оказывается, его отец – родной брат короля, а он, Аллан – вообще первый сын в роду. По сути, он гипотетический наследник престола, так что графский титул,

про который он всем говорит, – это так, для отвода глаз). Но вот почему к еде не бросалась Гелла, я так и не мог понять. Может, просто забывала?

Она вообще была не от мира сего – из вещей при ней находились только маленькая сумка с одеждой и мандолина. Я бы мог предположить, что она из мелкопоместных дворян, но, глядя на скакуна, которого повел в конюшню Тюба, присвистнул с завистью даже Аллан, а серьги и колье, которые были на ней надеты, так блестели под лучами солнца, что даже идиоту становилось ясно – эти камушки настоящие.

Но кто она, откуда – мы не знали. Она только имя нам назвала, и все.

Впрочем, она тут не одна была такая молчаливица. У дальней стены группкой сидели шестеро ребят из Центральных королевств. У них там вообще народ спесивый проживает, а если спесь еще помножена на сословные предрассудки, так вообще ужас что такое. Общались они только друг с другом или, по необходимости, с кем-то из тех, чей титул не оспаривался, вроде Аллана. Я, к слову, им как собеседник не подходил – рылом не вышел. Простолюдинов же они и вовсе игнорировали.

А тем и печали не было, они тоже в большинстве своем не стремились попасть к нам в друзья. Кроме общительного Орвена, да еще хохотушки Та-тианны (вот такое имя. А что вы хотели – в предгорьях Карда и не так детей называют), на постоянный контакт никто больше не шел.

Но и вражды в открытом виде не было. То есть с криками и хватанием за оружие, а вооружены тут были почти все, включая девушек. Хотя вынужденное безделье, жажда деятельности, присущая всем молодым, и сословная пропасть потихоньку делали свое дело.

От того, чтобы взять друг друга за грудки, нас, видимо, останавливало то, что все мы сейчас находимся в одной лодке, то есть попали в одинаковую ситуацию, и всем одинаково неясно, как жить дальше. Лето почти кончилось, по ночам мы дрожали от холода, костер Тюба разжигать не давал, и все это было уже совсем не смешно. Осень в этих местах короткая – листва облетает за пару недель, а в конце октября, бывает, выюжит так, что света белого не видно. Голод – это не страшно, его можно пережить, по крайней мере, я не страдал от недоедания совершенно. Но вот холод...

А окна в замке ночной порой оставались темными – ни огонька. Я потихоньку начал склоняться к мысли о том, что, может, мага вообще, так сказать, нет дома? Вдруг он куда-нибудь уехал и забыл о том, что он теперь наш наставник? И в этих своих предположениях я был не одинок, к такой мысли склонялись многие.

И еще запах начал нас донимать, тот, который от отхожих мест. Их тут было целых три, но и нас – почти семьдесят душ. Чистить нужники никто из нас не собирался, двое жителей замка тоже себя этим не утруждали, а потому благоухало во дворе ого-го как, особенно во время дневного солнцепека. Кое-кто из благородных девушек начал даже поглядывать в сторону ворот именно по этой причине. Не привыкли чистенькие домашние барышни к таким запахам.

Из-за этого и полыхнул первый на моей памяти серьезный конфликт между нами. Собственно, причиной его могло стать все что угодно, поскольку в нас накопилось очень много злобы из-за неизвестности, вынужденного безделья и сидения на одном месте. Я-то ладно – и недели здесь не пробыл, а кое-кто полмесяца и больше на этом дворе уже кантовался.

– Как же там воняет! – Из одного из нужников буквально выскочила, зажимая нос, хохотушка Флоренс, дочка очень крупного землевладельца из Силении, голубоглазая

и крутобедрая. – Ужас какой-то! Орвен, пойдти туда и сделай так, чтобы там не воняло!

– А почему он должен туда идти и что-то делать? – немедленно и провокационно-громко спросила у нее Кассандра. – Он что, там сидит постоянно, и все это дерьмо – его? Или ему больше всех надо? Или потому что он – простолюдин?

– Потому что он мужчина! – Флоренс выставила перед собой холеные ладошки. – Ты хочешь, чтобы я это самое выгребала лично? Да я не держала в руках ничего тяжелее... Не знаю...

– Ложки, – подсказал ей нужное слово Мартин, еще один представитель неблагородных – высокий, крепкий и жилистый парень, который, несомненно, знал, как в этой жизни добиваться своего. От него всегда исходил запах агрессии, если можно так выразиться. – Это у вас у всех общее. Кроме того, чтобы есть и болтать, вы больше ничего в жизни не умеете. Но в целом ты права, куколка, мы – те, кто способен что-то сделать своими руками, мужчины. А вот твои приятели – они...

– А я все ждал, когда чернь скажет свое слово, – подал голос один из тех шестерых благородных, которые держались особняком. Был он высок, плечист, русоволос и вдобавок имел обаятельнейшую улыбку и ямочку на подбородке. Мечта всех женщин, от девочек до бабушек. Звали его, если не ошибаюсь, Гарольд Монброн. – Ну что, Аллан, ты убедился в моих словах? Не бывает таких мест в этом мире, где все равны, как я тебе и говорил. Мы – это мы. Они – это они. И твои слова: «Мы теперь все одинаковы, между нами нет различий», – просто смешны. Что ты там сказал, нищеврод? Ничего тяжелее ложки никто из нас в руках не держал? Ошибочка вышла. Не угадал ты.

Его шпага скрежетнула о ножны – Гарольд не собирался шутить. Он собирался убивать.

Мартин осклабился, подошел к тому месту, где лежал его скарб, и через секунду в руках у него оказалась укороченная двусторонняя глевия, которую я давно уже приметил. Оружие специфическое и очень серьезное, мне про него Агриппа рассказывал. И еще он говорил, что им запросто не поорудуешь, тут очень хорошая подготовка нужна. Но не просто же так Мартин ее с собой таскает?

Что примечательно – с ним плечом к плечу встали трое его приятелей, и тоже уже не безоружные. То ли под рукой все держали, то ли заранее к такому исходу готовились.

Но и друзья Гарольда не отставали, тоже решив принять участие в назревающем серьезном разговоре.

Народ, до этого хаотично располагавшийся на площади, начал менять свое местоположение – кто-то шел туда, где, ухмыляясь, умело крутил свое оружие Мартин, а кто-то направлялся в сторону Гарольда, который впервые на моей памяти вышел из тени на середину площади.

– Ребята, вы чего? – жутко перепугалась Флоренс. Она интенсивно вертела головой, глядя то на тех, то на других, и ее кудряшки цвета созревшей пшеницы, казалось, жили своей жизнью. – Не надо! Я же ничего такого...

– Это верно, – заметила Кассандра и крутанула два кинжала, причем очень и очень умело. – Что ты, что подруги твои. Хотя все даже хуже – вы не просто «ничего такого», вы вообще ничто.

– Давно хотела подрезать язык этой непромытой девке, – сообщила всем стоящая рядом со мной виконтесса Агнесс де Прюльи – высокая, волоокая, грудастая южанка родом из Анджана, стоящего почти на границе с Семью Халифатами. Мне она до этого казалась очень рассудительной и спокойной девушкой, совершенно не склонной к конфликтам.

Недооценил я ее, надо признать. К конфликтам, судя по тону, она и впрямь стремилась, а вот против смертоубийств ничего не имела. – Если уж пошло такое дело, надо этим заняться. Надоела она мне хуже смерти и воняет почище тех же туалетов.

Агнесс присоединилась к Гарольду и его соратникам (а их было уже больше десятка, похоже, что его слова и действия нашли отклик среди людей его круга), прихватив по дороге из своих вещей скимитар и кинжал с искривленным лезвием.

Забавно. А мне к кому идти, если начнется серьезная резня? С одной стороны, я барон, мне сами боги велели простолюдинам глотки резать. С другой... Три месяца назад я был таким же, как они. Я был даже хуже – эти хоть вон в приличной одежде, а не в том рванье, из которого когда-то состоял мой гардероб.

– Уникальная ситуация. – Мартин явно был доволен происходящим. – Я могу пустить кровь благородным, и мне ничего за это не будет. Только ради этого стоило сюда прийти.

– Хм. – Аллан прищурился. – Знаешь, у меня сейчас возникло ощущение, что ты за этим сюда и явился.

– Ну да, – даже не стал спорить Мартин. – За этим тоже, чего врать. И еще кое за чем – подучиться очень хочу, знания мне нужны. Знания – сила, так мне мои наставники говорили. А еще хочу пару-тройку ваших благородных девок обрюхатить, для забавы.

– Аллан? – Гарольд расхохотался, глядя на графа, по скулам которого ползли красные пятна. – Вот тебе и «мы все тут студиозусы». Девочек он наших хочет, посмотри на него. Неужели ты думаешь, что они под тебя, чумазого, лягут?

– Фу, – сморщила носик Флоренс и глянула на подруг. Те тоже скривились.

Но не все. Парочка не кривилась, а смотрела на мускулистого простолюдина с плохо скрытой ненавистью. Да ладно!

– Надо убивать, – сказал Гарольд тем, кто стоял рядом с ним. – Тут по-другому нельзя. Или мы, или они.

А я все ломал голову, что же мне делать, если вдруг и впрямь дойдет до схватки? Хотя верный ответ я знал с самого начала, и мои метания были не более чем способом оправдать себя в своих же глазах. Ну а как иначе? По сути, я ведь собирался резать подобных себе людей из низов, которые были мне ближе, чем любой из благородных. Но я все равно буду их убивать, если прижмет.

– Из-за чего началось-то, приятель? – спросил у меня кто-то сзади. – Прозевал начало, понимаешь.

– Одна в вонючем сортире слабиться не хочет, говорит, что пахнет там невыносимо, другая ей вроде все как и верно сказала, но больно по-хамски. Остальные просто пар хотят выпустить, – пояснил я, не оборачиваясь. – Ну и сословные предрассудки свое дело сделали, не без этого.

– Ишь ты, – присвистнул мой собеседник. – А ты с кем?

– Надеюсь, что ни с кем, – честно ответил я. – Воевать никакого желания нет, я сюда учиться пришел, а не шпагой махать. И потом – куда трупы после этого девать будем? За ворота не выбросишь, здесь хоронить придется. А что на это хозяин скажет?

– Также верно, – согласился он. – О, гляди-ка. Сейчас схлестнутся.

Точка кипения достигла верхней планки, за которой возможна только кровь и нереально примирение. По крайней мере, до той поры, пока кто-то не умрет, это точно.

– Не верьте, что у них кровь голубая. – Острие глегии Мартина было направлено в грудь Гарольда. – Красная она, такая же, как у всех. И никакой жалости. Чем их меньше, тем нам

дальше будет проще. Мы – никто, а за ними деньги. Маг-то этот, поди, из благородных тоже, а значит, для него монета первее всего. Перебьем всю эту погань, расчистим себе дорогу.

– Стратег, – сказал тот, кто был у меня за спиной. – Нахвтался по верхам, паршивец такой, а смысла слов не понимает.

– Просто убивайте, – сказал свое слово Гарольд и посмотрел в сторону тех, кто не взялся за оружие. – И вы бы не сидели в стороне. Это в ваших интересах. Сейчас у нас есть шанс перебить их в открытом бою и быстро. Потом это будет делать куда сложнее.

– Тебе ничего делать не придется, – заорал на всю площадь невысокий простолюдин, который сжимал в руках боевой топор на достаточно длинном древке, Агриппа такой называл «бардка». Насколько я помню, имя у этого типа было неребское – Матиуш. – Мертвым ничего не нужно.

– Огромная ошибка, – очень громко сказал тот, кто стоял за моей спиной, и я почувствовал его руку на своем плече. Он отодвигал меня с дороги. – Ты просто не знаешь, сколько всего нужно мертвым и как трудно отвалить их от той цели, которую они себе наметили. Некромантия – один из самых трудных для изучения разделов практической магии.

Да ладно! Я понял, кто стоял у меня за спиной, и обернулся как раз в тот момент, когда этот человек шагнул вперед.

Так вот ты какой, Герхард Шварц по прозвищу Ворон.

Не такой уж он и высокий. Нет, повыше меня, но я-то думал, что он вообще великан просто. Нет, фигушки, ошибся. Обычный у него рост, немного выше среднего. Еще он был худ, но при этом ощущалось, что силы в его теле немало, настоящей силы, неподдельной. Резкие черты лица, длинный нос с горбинкой, который, видимо, и стал причиной прозвища. Еще никак было невозможно не заметить шрам – он пересекал почти все лицо – от уголка правого глаза до подбородка. Крепко его кто-то припечатал.

Возраст назвать я бы затруднился, это было невозможно, хотя я точно знал, что лет ему сильно немало. Как-никак он враждовал с моим нанимателем довольно давно. А уж мастеру Гаю годов было как ворону. Забавно звучит, надо запомнить.

Впрочем, одна примета возраста была – седые волосы. Они были собраны в косицу и стянуты черной лентой. Хотя у магов и это не показатель, я так думаю.

Одет он был скромно, не то что мастер Гай, который абы какую вещь на себя не натянет. Он даже меня одевал у лучших портных. Да, представьте себе, он озаботился и вопросом моего гардероба, так что в седельных сумках у меня лежало около дюжины отличных сорочек, несколько пар штанов и камзолов. Даже кюлоты^[5] он мне справил, уж не знаю, зачем, ведь я такое не надену. И все они были куда вычурней простого черного колета и широких штанов, в которые был одет магистр Герхард.

Люди, которые только что собирались убивать друг друга, тоже замерли, догадавшись, кто перед ними.

– Вы вовремя, магистр, – прозвучал в тишине совершенно спокойный голос Аллана. – Эта куча идиотов чуть не залила вам весь двор кровью.

– Кровь – это не самое неприятное в том, что могло случиться, – отозвался маг, вышедший на середину площади и внимательно оглядевший сначала одну противоборствующую сторону, потом другую. – Вот трупы – это да. По идее их пришлось бы выносить из замка, потом закапывать. Но это по идее.

Ворон показал на меня, как ни странно. Надо же, запомнил мои слова. Хотя я только-

только их произнес, что странного?

– Да закопали бы сами, ничего. – Тип с топором никак не мог успокоиться. – Делов-то!

– Все, угомонись. – Мартин, видимо, сделал для себя какие-то выводы. – Не вышло, значит, не вышло.

– Планы составлять умеет, а язык за зубами держать еще не научился, – колокольчиком прозвенел над моим ухом голос Геллы, которая, оказывается, теперь стояла рядом. – Это его и погубит в результате.

– Дурь его погубит, – возразил я ей. – И скверный характер.

– И это тоже, – согласилась со мной она и сообщила: – Я – Гелла.

– Я знаю, – удивился я. – Ты же назвалась тогда, когда на площадь приехала.

– Всем говорила, но все вместе – это значит никто в частности, – резонно заметила она. – Мы беседуем, при этом не зная имен друг друга. Это совершенно неправильно.

Странная она какая-то.

– Эраст фон Рут, – представился ей я и шикнул, пресекая ее следующую реплику: – погоди ты. Вон, смотри. Эти недоумки никак не угомонятся.

Впрочем, тут я был не совсем прав. Разошелся только тот самый Матиуш.

– Ваше счастье, – крикнул он своим несостоявшимся противникам, которые уже убрали оружие в ножны, понимая, что теперь нам не до поединков, и не сводили глаз с мага. – А то бы...

– Что – «а то бы?» – спросил внезапно Герхард у простолюдина. – Вот что бы ты с ними сделал?

– А? – не понял вроде бы простого вопроса тот. – Как – что?

– Ну что? – без тени иронии переспросил магистр. – Конкретно? И сразу же поясни, за что именно ты хотел это с ними сделать. По пунктам. Ну, знаешь, за то, за то и за то. Я хочу знать мотивы того, что тебя толкает на этот шаг. Давай, мы ждем.

Врать не стану – у большинства из нас подобные вопросы вызвали немалое удивление, которое было буквально написано на наших лицах. Ладно бы он на нас наорал: мол, не успели приехать, уже глотки друг другу рвете. Или просто вышвырнул за порог зачинщиков. Даже Гарольд, похоже, опасался подобного развития событий. Но вот варианта, что маг захочет узнать причины обычного в принципе поступка, почему один человек хочет убить другого, мы предвидеть не могли. Сама мысль об этом казалась абсурдной.

В нашем мире убийство не такая уж необычная вещь. В моем – точно. До того как я стал бароном, правда, мне убивать не доводилось, но смерть всегда ходила рядом. А уж как у меня титул появился, так я и сам стал заправским душегубом. Но мне бы в голову даже не пришло копаться в себе, чтобы найти мотивы этого деяния. Мастер Гай сказал: «Убивай, чтобы освоить это дело и не оплошать в будущем». Я убивал. Все просто и понятно.

– Так это... – Парень показал топором на Гарольда. – Они благородные.

– И? – Ворон отогнул один палец. – Дальше.

– И все. – Простолюдин явно не понимал, что от него хотят. – Этого мало, что ли?

– Понятно. – Маг вздохнул. – На самом деле все проще. Ты не слишком-то и думал над тем, чем конкретно тебе насолил этот человек. Ты считаешь, что вправе его убить, но не задумываешься над тем, зачем это нужно. Или над тем, кому это нужно.

По лицу Мартина пробежала тень беспокойства.

– Плохо не то, что ты не думал над такими вопросами. Плохо то, что и остальные этого не сделали, – невесело произнес Герхард и снова обвел глазами так и не разошедшихся

поединщиков. – Почти три десятка человек. Половина потенциальных учеников. И из такого количества неглупых на вид ребят осознали, что происходит на самом деле, только два-три человека. Остальные были готовы просто махать сталью, думая, что это просто и весело. И еще есть те, кто собирался на это глазеть.

– Это ж чистюли, что они о жизни знают? – как-то по-свойски ухмыльнулся простолюдин, полагая, что задушевный тон мага дает ему некоторую свободу действия.

– А ты что про нее знаешь? – В голосе мага я услышал сожаление. Именно сожаление, которому здесь вроде не место. – Ты крестьянин, сын крестьянина. Не знаю, где ты взял это оружие, но пользоваться ты им не умеешь. И настоящей смерти ты в глаза не видел. Ты вообще смерть не видел, кроме той, что всегда находится рядом с людьми, которые заканчивают свой век и уходят в мир иной под плач ближних своих.

Раздалось несколько смешков. Матиуш, опешивший от таких слов, теперь выглядел придурковато.

– Что смеетесь? – Ворон сам усмехнулся. – Думаете, вы больше видели? И что-то поняли? Вот уж нет.

– Эх, магистр! – Недалекий Матиуш никак не мог уgomониться. – Вы просто пришли не вовремя!

– Это да, – признал маг. – Тут ты угадал. Значит, хочешь железом позвенеть?

– Еще бы!

Я бы на месте этого обалдуя уже давно покаялся, сказав, что и в мыслях ничего подобного не держал, а после затерялся в толпе. Даже дураку было бы понятно, что не просто так Ворон с ним разговоры ведет.

– Зря все боялись, что он кого-то выгонит, – доверительно сообщила мне Гелла. – Все попадут к нему в ученики.

– С чего ты взяла? – прошипела бледная Магдалена, тоже почему-то оказавшаяся рядом со мной. Ух, какие у нее глазищи зеленые, я до этого их и не видел – она все время сидела, уткнувшись в книгу, и переставала читать только с наступлением темноты. Не думаю, что это тяга к знаниям у нее такая сильная, она, скорее всего, так заглушала ненужные мысли, а, может, и голод.

– Занятия уже начались, – пожала плечами Гелла. – Это же первый урок. Вы такой простой вещи не осознали до сих пор?

– Насколько я понял, именно ты был одним из инициаторов столкновения? – обратился магистр к Гарольду.

Надо заметить, что он сразу со всеми перешел на «ты». Хотя он наставник, ему все можно.

– Да, – коротко ответил тот.

– Этот юноша не сможет заснуть, если не помашет своим оружием, а значит, и не даст ночью спать остальным. – Маг был очень серьезен. – Это плохо. И потом, вы все теперь мои ученики, фактически – одна семья. Выходит, должны помогать друг другу, как это и водится в больших семьях. Окажешь ему такую услугу?

– Магистр, я не любитель учебных... – начал было Гарольд.

– Я ничего такого не говорил, – покачал головой маг. – Он хочет драться – пусть его. Ты – тоже. А уж как вы будете это делать, вам виднее. Как я понял, он думает, что поединок – это очень просто. Да и не только он – почти все здесь думают, что это все как игра. Позвенели клинками, потоптались на месте, а потом пошли обедать. Вот мы и глянем,

так это или нет.

– Другое дело. – Гарольд вновь достал из ножен шпагу и вопросительно взглянул на нашего нового наставника. – Значит?..

– Дело ваше. – Маг отступил на несколько шагов назад и приказал: – Расступитесь, только не отходите очень далеко. И еще – всем смотреть. От начала до конца.

– Пугает, – убежденно заявила Магдалена. – Не даст он Гарольду этого убогого убить.

– Может, и так, – неуверенно ответил ей я.

Селянин, широко улыбаясь, шагнул вперед, лихо крутя топор, и именно по тому, как он это делал, я понял: оружием он и в самом деле владеть не умеет. Это больше напоминало балаган, где жонглеры любили показывать зевакам подобные штуки. Я тоже не умел орудовать таким оружием, но Агриппа, помимо всего прочего, научил меня, как отличить серьезного противника от дилетанта. «Это тоже часть тактики», – так он мне говорил. Да и потом – с топором, пусть боевым, против шпаги? Даже не смешно.

Гарольд двигался легко, как будто танцуя, и с легкостью увернулся от неуклюжей атаки простолюдина. Как по мне, тут бы он мог все и закончить, но нет, он с видимым удовольствием чиркнул клинком о бок противника (рубаша селянина моментально окрасилась красным), оказался у Матиуша за спиной и отвесил ему пендель.

– Чего заснул? – весело спросил он у простолюдина. – Давай, давай. Ты же хотел моей крови?

Селянин махал топорам так, будто колол дрова, а Гарольд все не спешил, явно красуясь. На белой рубаше появлялось все больше красных пятен.

Так продолжалось минуты три. Матиуш сопел, потел и, несомненно, очень жалел, что был так несдержан на язык.

И он явно ждал того момента, когда Ворон скажет:

– Ну все, довольно.

А Ворон смотрел на это и молчал.

В какой-то момент Гарольд запустил руку за спину, и в его ладони матовой сталью блеснула дага.

– Вот и все, – шепнула мне Гелла, и я, обернувшись к ней, изумился.

Впервые за все время в ней не было отстраненности, она вся была там, где звенела сталь и алела кровь.

И именно поэтому я пропустил тот момент, когда Гарольд вбил дагу прямоком под ребро Матиуша.

Простолюдин взвыл, крутанулся на месте, открывая Гарольду спину, и аристократ немедленно ударил, да так, что острое шпаги вышло из живота.

Гарольд резким движением дернул клинок, раздался мерзкий хрустящий звук, и вой сменился хрипом.

Гарольд даже не собирался извлекать шпагу из тела противника, которого, скорее всего, еще можно было бы спасти. Напротив, он делал все, чтобы тот умер, сознательно наполняя его последние минуты невыносимой болью.

Еще один доворот – и Матиуш сначала шатается, как пьяный, а после ничком валится на землю. Его тело подергивается, изо рта льется черная кровь.

– Магистр, глотку ему перерезать? – деловито спросил у Ворона Гарольд, с чмоканьем извлекая клинок из тела умирающего человека. – Или пусть так подыхает?

– Мне все равно, – пожал плечами тот. – Это твой поединок.

Гарольд носком ботфорта перевернул тело на спину и острием даги чиркнул по горлу Матиуша.

Это вызвало неоднозначную реакцию у зрителей – сразу несколько человек согнулись в приступе рвоты, причем среди них были не только девушки.

– Вот так и выглядит смерть, – спокойно сообщил нам Герхард. – Вы хотели ее увидеть? Вы ее увидели.

– Ничего такого нам не надо было, – сказала красавица Ромея из Силистрии, вытирая рот.

– Не советую врать. – Ворон скривился в ухмылке. – Ладно еще соврать мне, но себе... Вы хотели этого. Участвовать – нет, по разным причинам. Но видеть – да. И все потому, что почти никто из вас не знает, как выглядит смерть, для вас она – часть страшных сказок из детства. Вы все понимаете, что она есть, но наивно полагаете, что она где-то далеко и точно за вами не придет. А она всегда рядом, и почти всегда ее лицо очень и очень неприглядно.

– Теперь я знаю, как она выглядит, – хмуро заметила Ромея.

– Ты ничего не знаешь, – очень дружелюбно сказал Ворон ей. – Ты думаешь – это конец для вон того бедолаги? Нет. Это только начало. Тюба!

К нам подошел привратник, на ходу жующий краюшку хлеба.

– Тюба, – сказал ему Ворон. – Труп – в ледник. Придет время, когда я некоторым из них буду рассказывать об основах некромантии. Вот тогда он нам и пригодится. Да и ребятам будет в радость старого приятеля повидать.

На этот раз вырвало человек десять, не меньше. Да я и сам понял, что абсолютно не голоден, впервые за последние дни.

И что значит «некоторым из них»? Тем, кто захочет? Или все-таки тем, кто доживет?

– Ну, идемте в замок, – хлопнул в ладоши Ворон. – Прочту вам вводную лекцию о том, как мы дальше жить будем. А потом – практикум. Тюба, приготовь инвентарь для ребят.

Глава 6

Контраст был невероятный. В какие-то двадцать минут событий вместилось больше, чем в несколько предыдущих дней. А для некоторых моих соучеников, похоже, эти двадцать минут были богаче на события, чем вся их жизнь. Сдается мне, что большинство из них до этого часа ничего подобного не видело, их просто ограждали от этого мамы, няньки и родители. Я, признаться, вообще не понимал, как некоторых из них вообще сюда одних отпустили. Это же тепличные создания! Они плакали по ночам, ворочаясь на камнях площади или на земле, причем среди жалеющих себя были не только девушки. Правда, они и не уходили отсюда, надо отметить. А ведь могли.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Моргус – уборщик трупов во время эпидемий. Как правило, набирались из преступников, которые после того, как смертность шла на убыль, получали прощение своих грехов. Если выживали, конечно. – Здесь и далее примечания автора.

Тяжелая (или боевая) **шпага** – длинный обоюдоострый клинок, пригодный для нанесения как колющих, так и рубящих ударов.

Дага – кинжал для левой руки при фехтовании шпагой, предназначенный как для защиты, так и для нападения.

Колет – мужская короткая куртка без рукавов, как правило, изготовленная из кожи.

Короткие, застегивающиеся под коленом штаны.